

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ЛЕВ

ПУЧКОВ

К-55

ОБМАНУВШИЕ СМЕРТЬ

Лев Пучков

К-55. Обманувшие смерть

«ЭКСМО»

2015

Пучков Л. Н.

К-55. Обманувшие смерть / Л. Н. Пучков — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80768-0

Вадим Набатов, системный администратор Дома культуры в закрытом городе Красноярск-55, только-только прошел очередной уровень любимой компьютерной игрушки, как вдруг... оказался втянутым в загадочную серебристую воронку, перебросившую его в далекое будущее. Основная часть населения Земли погибла в глобальной катастрофе. В подземных многоуровневых городах обитает большая часть уцелевших. Они разделились на фракции, между которыми идет война. Вадиму предстоит найти свое место в этом жестоком мире, хотя сделать это очень непросто...

ISBN 978-5-699-80768-0

© Пучков Л. Н., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Преамбула	6
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лев Пучков

К-55. Обманувшие смерть

© Пучков Л., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Всё что написано в этой книге, от первой до последней буквы – фантастика.

Не ищите здесь какие-то аналогии с Красноярском-26, оттуда взята только концепция.

...Wer mit Ungeheuern kämpft, mag zusehn, dass er nicht dabei zum Ungeheuer wird. Und wenn du lange in einen Abgrund blickst, blickt der Abgrund auch in dich hinein...¹

Friedrich Wilhelm Nietzsche

¹ Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя... *Фридрих Вильгельм Ницше*

Преамбула

Красноярск-55, наши дни

В древних руинах, обнаруженных у входа на следующий уровень, Вадим чуть было не погиб. Причём дважды кряду, в одном и том же месте.

Сначала наступил на ловушку, не подлежащую обнаружению, и тут же, что называется, не отходя от кассы, схлопотал «крит» от выскочившего из саркофага скелета, который казался заурядной дохлятиной и был на пятнадцать уровней младше Вадимова «alter ego»!

Спасли хорошая реакция и многолетний игровой опыт. Услышав щелчок триггера, успел накатить красную банку и одновременно скастовал «большое лечение».

– Только попробуй сдохнуть, я тебя потом лично убью... Ну же, давай, ушастый, давай, регенерируй!

Эта двойная комбинация всё решила: если бы привычно ограничился одной банкой, так на «кулдауне» и помер бы.

– Да вы там совсем сдурели! – Вадим облегчённо вздохнул, убирая горящего эльфа с почти пустой шкалой жизни из поля зрения странного скелета, и справедливо возмутился: – Что за идиотские сюрпризы?!

Отогнав чудом выжившего эльфа в безопасное место на исследованной территории, Вадим прокрутил в консоли лог игры и быстро обнаружил «косяки».

До этого момента с ловушками вообще не было проблем, поскольку «detect trap» (обнаружение ловушек) у эльфа был прокачан на макс. А все «мини-боссы», способные убить персонажа одним ударом, имели явные опознавательные знаки и внешне заметно отличались от рядовых монстров.

В логе было чёрным по белому прописано, что «скилл» для обнаружения ловушки должен составлять 245 % (что на сто сорок пять единиц больше максимума), а заурядный на вид скелет таки оказался мини-боссом с вероятностью смертельного удара 95 % во всех трёх вариантах!

В отличие от проходных участков с случайной генерацией эти руины были явно «ручной работы», поэтому странно было встретить здесь такие грубые ошибки.

– Ну не удода ли? – хмыкнул Вадим, делая выписку из лога. – Вроде солидная фирма, а так халтурят...

Эльф, забившись в угол, трясся в ознобе и пульсировал красными сполохами после «крита».

– А ты везунчик, – похвалил Вадим. – Уложился в пять процентов. А мог бы ведь запросто сдохнуть... Оклемайся? Пошли, посмотрим, где они тут ещё напортачили, в этой «ручной» локации...

Восстановившийся эльф издали забросал притворявшегося простым скелетом мини-босса огненными бомбами и направился к саркофагу.

В этот момент призывно заурчал мобильный.

Это был Никита, друг Вадима и «коллега по цеху».

Вадим заправил за ухо гарнитуру и ответил на вызов. Локация, как видите, непростая, нужны обе руки. И вообще, надо бы проигнорировать звонок и побыстрее добраться до контрольной точки, а потом уже трепаться о всякой всячине.

Но вот именно Никиту Вадим проигнорировать не мог.

Видите ли, у Никиты очень симпатичная младшая сестра, Ирина. Умница, красавица и воображуля.

У Вадима в отношении Ирины самые серьёзные намерения. Но это такая крепость, которую без «пятой колонны» взять будет либо трудно, либо невозможно.

Никита имеет большое влияние на сестрёнку, так что игнорировать его нельзя.

– На связи.

– Ты мне друг? – без обиняков и без приветствий уточнил Никита.

– Угу.

– Слушай... Сделай мне договорчик на обслуживание? Есть просто изумительные корпоративные скидки...

– Спасибо, не надо. Сам справляюсь.

– Да как ты там справляешься! У тебя же куча «железа», которое надо постоянно чинить! Куча дрянного софта, который постоянно глючит!

– Да ну, какая там «куча»... Я справляюсь.

– Ну тогда сделай хотя бы пару заказов. А ещё лучше пару по паре. Тебе бланки заявок скинуть?

– У меня всё новое. Всё настроенное. Всё работает как часы.

– Ну снеси там мимоходом пару «осей», что ли, или шлейфы перекинь... А?

Никита трудится сисадмином в головном офисе местного провайдера и по совместительству хозяина сервисного центра. Вообще-то есть мнение, что «аутсорсинг», поддержка и вообще любой сервис «на выносе» не являются прерогативой системного администратора. Но хозяин Никиты думает иначе. Поэтому в конце квартала (а порой и в конце месяца) Никита становится занудой и пристаёт ко всем друзьям и знакомым с животрепещущими предложениями.

– Нет у меня заказов. Сам справляюсь.

– Да что ты заладил, «справляюсь», «справляюсь»! Ты чем там занят, опять играешь?

– Угу.

– Тестишь опять?

– Угу.

– Слушай, а за это ведь ещё и деньги платят, нет?

– Когда как.

– И «клиент» бесплатно высылают?

– Угу.

– «Угу», «угу»! Ты прям как тот филин. Слушай... В следующий раз, когда будут набирать тестеров...

– Нет.

– Что – «нет»?

– Нет смысла. У тебя не будет на это время.

– Слушай, со своим временем я уж как-нибудь сам разберусь...

– Нет.

– Что – «нет»?!

– У тебя нет «своего времени».

Никита умолк и обиженно засопел в трубку, соображая, что ответить по существу обвинения.

Вадим усмехнулся, прибил застрявшего в узком проходе «большого ходячего тупа» и погнал эльфа дальше.

Никита трудится как пчёлка, по четырнадцать часов в сутки. Хозяин взвалил на него множество несвойственных должностной инструкции обязанностей и строго спрашивает за промахи. Однако платят вполне прилично, есть мотив вкалывать.

Вадим тоже некоторым образом «сисадмин». Ему 23 года, он имеет диплом бакалавра прикладной информатики и работает системным администратором в ДК «Плутоний», который располагается на центральной площади «закрытого» города Красноярск-55.

Вадим командует «колоссальным» парком из девяти компов, пяти МФУ и видеоконференцией в малом зале.

ДК ведомственный, ведомство богатое, всё «железо» и «периферия» новое и качественное. Вадим – парень рукастый и смекалистый, если возникают глобальные проблемы в формате *«ой, кажется, я забыла сохранить документ!»* или *«Вадик, у меня завис принтер!!!»*, всё решает молниеносно и поддерживает вверенное ему хозяйство в идеальном состоянии.

Заведующая ДК – подруга мамы Вадима.

Папа Вадима, в числе прочего, решает и вопросы финансирования ДК.

В общем, вы, наверно, уже поняли: Вадиму на такой работе легко и комфортно.

Правда, и платят за неё совсем немного, но для Вадима это не проблема. У него небедные и влиятельные, по местным меркам, родители, так что, в принципе, можно совсем не работать, прокормят.

Но Вадим не такой. Ему нравится быть при деле, нравится статус значимой фигуры в команде.

«Вадик, какой ты молодец! Что бы мы без тебя делали!»

А ещё у него есть цель жизни.

Вадим мечтает собрать команду профессионалов и создать лучшую в мире Игру, которая затмит все прочие игры, вознесёт его на вершину славы и сделает сказочно богатым.

Нет, это не беспочвенные розовые мечты.

Вадим упорно работает в этом направлении. У него полно свободного времени, и он целенаправленно тратит это время на изучение наиболее успешных и перспективных игр современности.

Например, как сейчас, когда в самый разгар рабочего дня тестирует бета-версию новой игры, гоняя эльфа по мрачным уровням сказочного мира.

У Никиты всё сложнее и непригляднее.

Родители у него небогатые, и он... счастливый отец троих (!) детей.

Никита, дорогой! «Безопасность» – это не только «файрволы» и латание системных «дырок». Вот тут знающие люди говорят, что Человечество давным-давно изобрело такие замечательные резиновые шутки...

Никита старше Вадима всего на четыре года, но выглядит на все сорок. У него нет личного времени, нет мечты всей жизни (если не считать за таковую патологическое желание взорвать «дата-центр» родной компании) и вообще нет никаких перспектив.

Вадим не злыдень, чисто по-человечески ему жаль Никиту. Просто он знаком с психологией и не любит, когда кто-то пытается манипулировать им на ровном месте.

Однако по ряду причин сейчас он намерен сыграть в поддавки.

– А я думал, друзья должны помогать друг другу... – Судя по тону, замечание насчёт отсутствия личного времени почему-то обидело Никиту. – Видимо, ошибся. Правильно говорят: сытый голодного не разумеет...

– Ладно, я что-нибудь придумаю. Договор не обещаю, но несколько «серьёзных поломок» сделаю.

– О-о-о, ты мой герой! Что с меня?

– У Ирины день рождения послезавтра...

– У какой Ирины?

– У сестры твоей, дубина!

– Так, минуточку... Да, точно! Спасибо, что напомнил.

– Ну вот... Ты же пойдёшь её поздравлять? Подарочек купишь... Заодно и с предками повидеаешься: они, наверно, забыли, как ты выглядишь.

– Ну, не знаю, получится или нет. Понимаешь...

– Ты. Туда. Пойдёшь. Ясно?! Это твоя единственная сестра. Так и скажешь своему работодателю. И пусть только попробует не отпустить тебя в шесть вечера! Если надо, я подключу папу, он на него повлияет.

– Да нет, не стоит... Я сам решу.

– Ну вот и молодец. Про подарок забудь, это уже продумано. И разумеется, ты возьмёшь с собой лучшего друга...

– А-а-а, вон оно что! Ну ты жук...

– Ты что-то имеешь против?

– Да нет, ничего. Как говорится, совет да любоффф. Уж лучше ты, чем какой-нибудь гопник с Левого Берега.

– Хм... Откровенно. Но в целом я рад, что у меня такой внимательный и заботливый друг.

– А уж как я рад...

– А теперь, друг, будь добр, прыгни с линии. Уровень сложный, надо сконцентрироваться.

– Да-да, конечно. Всё, бывай. Жду от тебя срочную заявку...

Выбравшись из руин, Вадим погнал эльфа к точке перехода на следующий уровень. По дороге мимоходом пришиб парочку «хищных растений», и тут прозвучал торжественный гонг «левел-ап».

– О, подрос наш парень! – Вадим довольно прищурился и открыл «дерево скиллов». – Так, что тут у нас...

– Пьюк! – Монитор вдруг несолидно пискнул, пустив во все стороны каскад голубых разрядов...

И исчез.

Вместо стола перед Вадимом образовалась серебристая воронка диаметром немногим более метра и высотой метра два.

Медленно расширяясь, воронка вращалась с бешеной скоростью и издавала негромкий басовитый звук, похожий на заикнувшееся на «ми» Большой Октавы мычание недоенной коровы.

Вадим не успел как следует удивиться: воронка внезапно расширилась и в одно мгновение втянула в себя парня вместе со стулом, на котором он сидел.

– Вот это неслабо проапгрейдили эльфа... – совершенно невпопад выдало на прощание меркнувшее сознание Вадима, растворяясь в чёрном водовороте Небытия.

Глава 1

К-55

25 марта 2063 г.

Уровень № 5, Северо-Западный сектор

Реконструкции

Отсек утилизации № 3 в Северо-Западном секторе Пятого Уровня никогда не выделялся ничем особенным и был как две капли воды похож на все служебные помещения подобного типа в К-55.

Бетонная коробка пять на восемь, армированная стальными балками, потолок высотой два с половиной метра.

Привычная с детства для всех обитателей К-55 полукруглая станина конвертера, выпирающая по центру из противоположной от входа стены.

Забранное в ударопрочное стекло окно приёмника, размером с двухкамерный холодильник.

Грузовая тележка с оборудованием в правом углу, лопаты, вёдра и метёлки из гибкой стальной проволоки в левом, тут же гидрант с аккуратной бухтой брезентового шланга.

Тусклые плафоны под потолком, накрытый ржавой решёткой глубокий жёлоб через всё помещение, от дверей к приёмнику.

Ну и, разумеется, незабываемый, ни с чем не сравнимый и не выветриваемый даже дезинфектами и принудительной вентиляцией фимиам бытовых отходов.

Как видите, это был самый обычный отсек утилизации.

Однако сегодня здесь орудовала не привычная парочка мусорщиков, а специальная команда фракции «Профилактика» под управлением доктора Панина.

Помимо самого доктора, в команде было пятеро: двое его ассистентов и трое бойцов.

Бойцы, изготовившись с автоматами у раскрытой и зафиксированной на стопоре двери отсека, контролировали коридор на случай внезапного появления врага.

Издалека доносилась нечастая стрельба.

Искажённый динамиками хриплый голос транслировал команды военного протокола, обращённые к обитателям захваченного сектора.

По коридору ощутимо тянуло гарью.

В трансляции не было ничего нового или необычного, коридор приятно пустовал, так что бойцы вполглаза несли службу и с любопытством косились на учёных.

Доктор Панин, подключив прибор к пульту конвертера, бойко взламывал систему управления.

Его ассистенты, вооружённые гравитационными пушками, медленно и натужно волокли к конвертеру вибрирующий кокон порталного поля.

Для солдат это было занятное зрелище. Ранее им не доводилось работать с учёными, и сегодня они впервые в жизни видели все эти интригующие штуковины.

Старший конвоя, сержант Мусаев, уже принимал участие в подобном мероприятии.

В прошлый раз всё было не совсем гладко и погибли люди.

Поэтому сейчас Мусаев наблюдал за действиями ученых с опаской.

Он знал, что это феерическое «веретено» в полтора человеческих роста и чуть более метра в срединном диаметре, которое так завораживающе отливает всеми оттенками серебра и искрит разбегающимися по упругой поверхности разрядами, может вести себя крайне непредсказуемо и способно на любые пакости.

Из толстых раструбов гравитационных пушек, обвитых медными жилами, высачивались похожие на струи кварцевого песка инверсионные шлейфы, с мягким шипением ударили в серебристый кокон и толкали его к топке конвертера.

Кокон словно бы не хотел двигаться в нужном людям направлении. Он постоянно отклонялся от курса, подолгу замирал на месте, и вообще создавалось такое ощущение, что порталное поле живое и капризничает, словно чем-то недовольный ребёнок.

– Твою мать... Да что ж ты как дитя малое! – чертыхнулся ассистент № 1, озвучив общую ассоциацию. – Шагай ровно, тут осталось-то всего ничего...

Из-за этого капризного поля, соскочившего с проекторного стенда и отправившегося погулять в сектор «Реконструкции», пришлось снаряжать целую экспедицию и захватывать территорию соседей.

Для вождей «Профилактики» серебристый кокон был настолько важен, что они решились на боевую операцию по завоеванию в общем-то ненужного им сектора, не имевшего никаких стратегических перспектив и не сулившего ничего, кроме незапланированной траты ресурсов фракции, как материальных, так и людских.

Даже если не учитывать расходов на ремонт после боя и реформирование системы администрации и социальной структуры, здесь как минимум на три месяца нужно сажать усиленный гарнизон. Потому что «Реконструкция» обязательно будет предпринимать попытки отбить свою территорию.

Доктор Панин «доломал» пульт, открыл защитный экран и вхолостую запустил конвертер.

В чреве топки вспыхнуло нестерпимо яркое голубое свечение, станина конвертера мелко завибрировала, и раздался гул, похожий на рёв ракетных сопел.

– Отлично, – похвалил себя Панин, отключая конвертер. – Всё, ребята, пихайте его в топку.

В конвертерной программе есть одно существенное ограничение. Если в топливном контуре будет находиться живая органика объёмом два литра и более, конвертер просто не включится.

По опыту предыдущих экспериментов, вероятность выдачи полем живой органики очень высока. Но это вовсе не отклонение, а как раз таки профильное направление эксперимента.

Есть также небольшая вероятность, что эта органика будет агрессивной и... гравитационные пушки и стрелковое оружие не смогут с ней справиться. Вот это уже отклонение, причём опасное не только для команды испытателей, но и для всей популяции К-55.

Поэтому в случаях, когда конечная фаза эксперимента протекает вне проекторного стенда (это не то чтобы норма, но такое иногда бывает), порталное поле всегда волокут в топку.

Даже если это происходит на территории противника.

Правда, такого, чтобы поле загуляло на территорию противника, ранее не бывало, но... В жизни всё когда-то случается в первый раз.

Пока доктор устанавливал видеокамеру на треноге, ассистенты с грехом пополам затолкали кокон в топку, но при этом не выдержали уровень и утопили поле примерно на треть.

– Ну нет, ребята, так не пойдёт, – поругал коллег доктор. – Давайте, подвесьте его.

Коллеги, чертыхаясь и кряхтя, стали ворочать поле тяжёлыми пушками, поднимая его повыше.

У порталного поля нет точки опоры, оно игнорирует оси координат и без проблем «живёт» в твёрдых средах, хотя они существенно замедляют скорость движения. Запас хода отправившегося «на прогулку» поля зависит исключительно от величины стартовой энергии ускорителя. Сколько зарядили, настолько далеко и убежит.

Ну а когда наддают из гравипушек, сообщая полю колоссальную энергию, почему бы не попрыгать, не поиграть с нерадивыми учёными?

Ассистенты, наконец, вывели кокон над уровнем пола.

Панин произвёл замеры небольшим прибором с двумя экранами и множеством кнопок и выдал вердикт:

– Расчётное время «скачка» – от пятнадцати минут до получаса. Точнее сказать не могу, сильный геомагнитный фон. Давайте-ка, ребята, на всякий случай принарядимся.

Ассистенты с удовольствием отложили тяжёлые пушки и сняли с тележки зиповский ящик с защитными комплектами.

– А вам что, особое приглашение нужно? – обратился доктор к солдатам.

– Нельзя сектор бросать, – угрюмо заметил Мусаев. – И потом – какой смысл?

– Извини, но во всём, что касается науки, я решаю, есть смысл или нет, – спокойно возразил доктор. – Так что, давай: по одному подходим, экипируемся.

Мусаев кивнул солдатам. Они оба отправились облачаться в защитные комплекты, а сержант остался держать сектор.

Нет, сержант не страдал склонностью к вольнодумию и уважал мудрого доктора, хотя тот годился ему в сыновья.

Как и подобает опытному военному, сержант был практиком и сторонником здорового рационализма.

Так вот практика показывала, что защитные комплекты надевать нерационально. Потому что они, увы, не защищают от тех фокусов, которые может выкинуть порталное поле.

По крайней мере, в прошлый раз они никого не спасли.

* * *

Придя в себя, Вадим обнаружил, что находится в просторной камере с открытым окном приёмника.

Прямо перед ним расположились в два ряда существа в защитных костюмах и шлемах, похожих на скафандры, с выпуклыми прозрачными щитками во всё лицо.

Существа вели себя странно. Двое направили на Вадима то ли приборы, то ли ружья, сразу и не разберёшь, в общем, такие длинные штуковины с толстыми раструбами, обмотанными медной проволокой.

За ними стояли трое с автоматами, пока что не целились, но вели себя насторожённо и следили за каждым жестом Вадима.

Чуть сбоку от первого ряда располагалась видеокамера на треноге, рядом с которой застыл шестой представитель «комитета по встрече», державший в руках фонарь и нечто, напоминавшее диктофон.

В гробовом молчании прошло несколько секунд, в течение которых Вадим успел рассмотреть помещение и понять, что существа в защитных костюмах – это всё же люди.

Люди, по-видимому, тоже что-то поняли, и тот, который с диктофоном, радостно крикнул:

– Есть контакт!!!

Голос из-под скафандра звучал глуховато, но вполне отчётливо.

Итак, это люди, и как минимум один из них говорит по-русски.

«Это игра, – с абсолютной уверенностью решил Вадим. – Очень, кстати, антуражненько. Клёпки аутентичные, люди как живые... Не понял только, что это за игра такая. Что-то типа «Биошока» с локализацией?»

И вдруг понял, что это не внутренний диалог, а он на самом деле говорит вслух.

Ух ты, какая чудная игра!

– Объект вменяем, ведёт себя несколько неадекватно, – пробубнил товарищ с диктофоном. – И выглядит... Выглядит очень странно. Так – внимание!

Двое с «ружьями» в первом ряду быстро присели на колено, трое во втором подобрались, расступились и направили на Вадима оружие.

А товарищ с диктофоном зачем-то подскочил к пульта управления, положил ладонь на большую красную кнопку и тревожно уточнил:

– Какой Уровень?!

– Восемьдесят второй, – Вадим гордо подбоченился.

– Не... Гхм... Не понял, – растерялся товарищ с диктофоном. – Как это «восемьдесят второй»?! Максимум – Тринадцатый, дальше ничего нет!

– Ну не знаю, может, здесь разрабы «левелкап»² воткнули? В любом случае у меня реально Восемьдесят второй Уровень, ментал прокачан на «макс», и мне надоело торчать в этой камере, – Вадим тряхнул руками, воспроизводя жест персонажа из игры, готовящегося наложить заклинание, и шагнул было вон из камеры. – А если кто дёрнется, махом кастану безумие...

Выйти на волю он не успел: товарищ с диктофоном шлёпнул ладонью по красной кнопке.

Массивный защитный экран моментально закрыл выход из камеры, чуть не отдавив Вадиму ногу.

Раздался звук, похожий на рёв ракетных сопел, в камере вспыхнуло нестерпимой яркости голубое свечение...

И Вадима в одно мгновение разложило на атомы.

* * *

Придя в себя, Вадим обнаружил, что находится в просторной камере, с распахнутым настежь защитным экраном.

Прямо перед ним расположились в два ряда существа в защитных костюмах и шлемах, похожих на скафандры, с выпуклыми прозрачными щитками во всё лицо.

Существа вели себя странно. Двое направили на Вадима то ли приборы, то ли ружья, сразу и не разберёшь, в общем, такие длинные штуковины с толстыми раструбами, обмотанными медной проволокой. За ними стояли трое с автоматами, не целились, но вели себя насторожённо, следили за каждым жестом Вадима.

Чуть сбоку от первого ряда располагалась видеокамера на треноге, рядом с которой застыл шестой представитель «комитета по встрече», державший в руках нечто, напоминавшее диктофон.

В общем, всё в точности так же, как в первый раз...

Только ощущения совсем другие.

Это была сплошная Воплощённая Боль.

Каждая мышца, каждая косточка, каждая клеточка его организма стонала, рыдала и билась в страшной истерике от нестерпимой боли, которая разрывала на части всё естество Вадима, не давала дышать, двигаться и думать.

Это было какое-то Парализованное Безвоздушное Безумие: с перекошенным жуткой гримасой лицом Вадим застыл на месте, как монумент всем сторевающим в аду, невидящим взором глядя прямо перед собой, и мечтал в тот момент только об одном:

Смерть...

Смерть.

Смерть!

Господи, Смерть, возьми меня обратно! Это неправильно, несправедливо, человек не может, не должен, не имеет права жить после ТАКОГО...

² Перевод на русский разговорный: «Разработчики применили ограничение на максимальный уровень».

– Есть контакт!!! – радостно крикнул человек с диктофоном.

О, боже... Что это?! Что за идиотское светопредставление?!

– Так... Объект явно в шоке, моторика отсутствует. Вегетативная реакция... Ребята, да он помирает! А ну, взяли...

Двое в первом ряду бросили «ружья», подскочили и выдернули Вадима из камеры.

Быстро уложили на тележку, вогнали какой-то препарат и занялись реанимацией: двое принялись грубо и жёстко массировать конечности, а товарищ с диктофоном бил Вадима по щекам и что-то орал ему в ухо.

Через пару минут экзерциции увенчались успехом.

Вадим дёрнулся, как ударенный током, с криком хапнул первую порцию воздуха и закашлялся, задыхался жадно и глубоко, хрипло рыча и плача, выталкивая из себя эту невероятную, немыслимую, несовместимую с жизнью Боль...

* * *

Спустя немного времени начал действовать введённый препарат и организм стал постепенно отходить от фантомного болевого шока.

Панин первым делом зачем-то посветил фонариком Вадиму в глаза. Затем проверил параметры – пульс, температуру, измерил давление и заставил проглотить пару таблеток с горьковатым вяжущим привкусом.

– Сидеть можете?

Вадим сел на тележке, осторожно шевельнулся и прислушался к своим ощущениям.

Внутри всё горело.

Нет, это как-то тривиально. Бывает, с мороза опрокинешь стопочку, да под острый чили, который шикарно готовит мама, – и тоже внутри всё горит. Хорошо так горит, по телу разливается приятное тепло, и на душе блаженно...

Сейчас всё горело так, словно Вадима бросили в топку крематория, где он был испепелён заживо, а потом выдернули обратно и каким-то чудовищным некромантским заклинанием собрали-слепили заново.

В общем, ощущения – застрелись.

Хочется орать в голос, биться в истерике и навзрыд жаловаться кому-нибудь доброму и понимающему, кто правильно оценит всю невозможность того, что с тобой произошло, всё растолкует, и объяснит, и посоветует, как избавиться от этого дикого кошмара...

– Как самочувствие?

Вадим осторожно пожал плечами.

Была абсолютная уверенность, что каждое движение после ТАКОГО должно причинять невыносимую боль.

На самом деле, эта фантомная боль уничтоженного организма была равномерной и статичной, независимо от движений, но шевелиться всё равно было страшно.

– Объект не может адекватно оценить своё состояние, – сообщил диктофону Панин. – Однако целый ряд признаков указывает на сильнейший стресс, вызванный ПЕРЕМЕЩЕНИЕМ... Фамилия, имя, отчество?

– Вадим Николаевич Набатов.

А голос ничего так, не сгоревший, вполне нормальный, разве что заметно хриплый от переживаний.

– Возраст?

– Двадцать три года.

– Так, уже хорошо! – обрадовался Панин. – Амнезии нет, это отличный признак... Уровень, сектор?

Вадим машинально втянул голову в плечи и зажмурился.

Ну и что сказать товарищу в скафандре?

За неправильный ответ на этот вопрос его убили.

Вот этот самый товарищ и убил. И ладно бы просто выстрелил в голову, по обыкновению приличных негодяев, а то ведь буквально разложил на атомы!

И лицо вроде доброе, и в своём странном костюме похож на героя-космонавта...

Но товарищ явно недобрый.

Это он ударил по кнопке, Вадим всё помнит.

– Не можете ответить, с какого вы Уровня? – огорчился Панин. – Что же это получается, избирательная амнезия?

– Пацан боится, – поделился соображениями сержант Мусаев. – Может, он боец «реконов»?

– Вы солдат Реконструкции? – живо ухватился за эту мысль Панин. – Если так, не волнуйтесь: вы сейчас идёте по программе Эксперимента как особо важный объект, так что вашей безопасности ничего не угрожает. Кстати, извините, сразу не представился: я Алексей Панин, научный руководитель экспедиционной группы, это мои коллеги, Евгений и Сергей, этот суровый человек – сержант Мусаев, наш начальник конвоя, а эти двое...

– Солдаты. – Сержант без пиетета оборвал поток приязни учёного. – Просто солдаты. Этого достаточно.

– Ну... Хорошо, пусть будет так, – кивнул Панин, несколько обескураженный официальным тоном сержанта. – В общем, не волнуйтесь, вам ничего не угрожает.

– Я не солдат, – тихо сказал Вадим. – Я системный администратор.

– Системный... администратор?

Панин в растерянности посмотрел на ассистентов.

Ассистенты пожали плечами. Нет, это словосочетание им ни о чём не говорило.

Мусаев едва заметно дёрнул уголок рта и одарил Вадима тяжёлым взглядом.

«Этот пристрелит не задумываясь, – подумал Вадим. – Он даже не пытается скрывать, что считает меня врагом».

– То есть, я так понял, вы трудитесь в администрации сектора? – уточнил Панин.

Вадим опять промолчал, опасаясь, что неудачный ответ может спровоцировать нездоровую реакцию.

– Объект не может ответить на ряд элементарных вопросов, – пожаловался диктофону Панин. – Таким образом, реальное состояние объекта остаётся под вопросом до полного обследования в лаборатории... Скажите... Эмм... Вадим... Вы странно одеты, и у вас было вот это...

Панин показал изъятые при реанимации Вадима айфон, Bluetooth-гарнитуру и две клёпки от офисного стула. Сам стул отсутствовал.

– Это не в порядке обвинения, просто сугубо академический интерес... Скажите, вы ограбили Исторический Музей?

– Это моё, – затравленно пролепетал Вадим. – Могу чем угодно доказать...

Интересно, что у них тут полагается за кражу? Если за неправильный ответ убивают без предупреждения, то...

– Да не волнуйтесь, всё нормально! Я же сказал: чисто академический интерес.

– Я не волнуюсь, это в самом деле моё! Там забита куча моих данных, могу показать. Телефон куплен четыре месяца назад, у меня дома гарантия на него лежит, могу предъявить. А! Можно маме позвонить, она подтвердит... Разрешите?

Панин не без колебаний отдал телефон Вадиму.

Мусаев опять нехорошо дёрнул уголок рта и зачем-то поправил автомат. Как будто проверял, успеет ли быстро вскинуть оружие, если вдруг понадобится.

– Так, сейчас мы всё подтвердим... – Насторожённо косясь в сторону неприветливого сержанта, Вадим пробежал пальцами по клавишам.

Айфон без потерь перенёс «перемещение» (или что там подразумевал под этим термином Панин) и функционировал исправно, но «не видел» сеть.

– Могу я узнать, где мы сейчас находимся?

– Разумеется, – с готовностью отозвался Панин. – Пятый Уровень, Северо-Запад, сектор Реконструкции.

– Теперь это наш сектор, – подсказал Мусаев.

– Ах да, прошу прощения, – сконфузился Панин. – В самом деле, теперь это сектор Профилактики.

Для Вадима эти подробности были пустым звуком.

– В смысле, я хотел уточнить – мы сейчас под землёй? Что-то сеть не ловит.

– Что значит «под землёй» и «сеть не ловит»? – не понял вопроса Панин. – Я же сказал, мы на Пятом Уровне... и здесь нет никаких сетей!

– Может, он имеет в виду охоту на краулеров? – предположил ассистент № 2. – В Нейтрали, говорят, до сих пор сеткой ловят...

– При чём здесь краулеры? – отмахнулся Панин. – Вадим, вы так и не вспомнили, где живёте?

– Я всё помню. Просто мне... ммм... не совсем понятен вопрос про «уровень», – Вадим открыл свои данные и протянул телефон Панину. – Вот, пожалуйста, смотрите. Фото, адрес, телефоны, «мыло», личные данные. Если этого мало, посмотрите все мои контакты и сравните с абонентами в журнале сообщений. А как связь появится, можем позвонить домой, вам всё подтвердят.

Панин взял телефон и прочёл вслух:

– «Красноярск-55», улица Вавилова, 2, кв. 10... «Кэ-вэ», это что за аббревиатура?

– Квартира, – Вадим подавил желание громко удивиться и осторожно уточнил: – Это вы так шутите, да?

– Хм... Да нет, похоже, это вы так шутите... Так...

Панин дочитал до даты рождения и замер, застыл на месте, как будто его внезапно разбил паралич.

Ассистенты, заглядывая через плечо вмерзшего в пол босса, ознакомились с информацией, дружно покачали скафандрами и выдали резюме, каждый на свой лад:

– Бред какой-то, – сказал ассистент № 2.

– А если не бред... то это просто фантастика какая-то, – сделал вывод ассистент № 1.

– А что там? – полюбопытствовал Мусаев.

– Нет, так не бывает, – даже не стал объяснять ассистент № 1. – Если так, то это должен быть седобородый дедушка. Лёша, ты как думаешь?

И он похлопал Панина по плечу.

Панин, наконец, отмёрз и зашевелился.

Резко дёрнув застежку, он стащил с себя шлем со стеклянным «забралом», прерывисто вздохнул и уточнил:

– Вы... Гхм-кхм... Вадим... Вы родились 7 января... 1991 года?!

Голос у него почему-то стал хриплым и сел до шёпота.

– Совершенно верно, – подтвердил Вадим.

– И сейчас вам двадцать три года?

– Совершенно верно.

– Бред, – повторил ассистент № 2. – Такого просто не может быть!

– Согласен, – высказал солидарность ассистент № 1. – Я же говорю, это был бы седенький такой старичок.

– А... Гхм-кхм... А что вы делали...

Панин говорил с паузами, как будто боялся спросить нечто важное (может быть, невероятно важное, критически важное) и старался хоть ненадолго растянуть состояние пребывания в приятном неведении...

– ...на момент... попадания... в... гхм-кхм... в порталное поле?

– Это вы про воронку, что ли? Сидел за столом. Гонял эльфа... эмм... в общем, играл в компьютерную игру. Тестировал, точнее.

– А где именно сидели?

– На рабочем месте, – сокрушённо признался Вадим. – В ДК «Плутоний». Я понимаю, что это «не айс» с точки зрения профессиональной этики, но...

– К чёрту этику... «Дэ-Ка», это...

– Дом культуры.

– И этот дом... Гхм... Он был... ТАМ?!

Тут Панин очень осторожно, можно сказать, несмело, ткнул пальцем вверх.

Ткнул так, словно боялся, что его покарают за этот непристойный или даже кощунственный жест.

– Ну... – Вадим озадаченно почесал затылок. – Это зависит от того, где мы сейчас находимся. В смысле, если под землёй, то...

– Этот дом был на поверхности земли и над ним было Небо? – неожиданно вмешался сержант Мусаев.

– Так точно. – Вадим тотчас же вспомнил военную кафедру и не мог не признать очевидный факт: «А этот сержант в некоторых моментах смыслёнее сразу трёх учёных: вон как вопрос сформулировал!» – Этот ДК в самом сердце моего родного города, на центральной площади. И понятно, что над ним небо... Только почему «было»?

– А год... Какой год был? – мертвецки бледнея в предчувствии великого открытия, спросил Панин.

– 2014-й, естественно! – Вадим бледнеть не стал, но у него вдруг возникло предвкушение чего-то ужасного и непоправимого. – Только почему опять «был»?! Что вы хотите ска...

– О боже... – Панин судорожно вздохнул, присел на тележку рядом с Вадимом и крепко ухватил его за плечо. – Вадим... Вадим, признайтесь честно: вы всё это выдумали?! Я имею в виду про 2014 год, «поверхность», ДК...

– Что значит «выдумал»? – Вадим, не спрашивая разрешения, забрал у Панина айфон и трясущимися пальцами открыл список входящих. – Вот... Вот смотрите, это звонок Никиты. Никита, друг, звонил мне минут за пять до... эээ... до Перемещения... Вот, смотрите, дата, время...

– Невероятно... – свистящим шёпотом пробормотал Панин, вскакивая с тележки и хватаясь за голову. – Неужели мы сделали ЭТО?! Неужели получилось?!!

– Послушайте, как вас там... – тревожно спросил Вадим. – Послушайте, вы не хотите ничего мне сказать...

– Невероятно!!! – продолжал блажить Панин, по щекам которого градом катились слёзы счастья. – Ребята, ЭТО случилось только что, на наших глазах!!! Вы все ЭТО видели!!!

– Что случилось-то? Мне кто-нибудь скажет или нет?!

– Малыш, сейчас две тысячи шестьдесят третий год, – с неожиданным сочувствием сообщил самый толковый в мире сержант Мусаев. – И люди уже лет сорок не живут «на Поверхности».

– По... гхх-кхх... почему не живут? – переспросил Вадим, неосознанно фильтруя страшный факт несуразности названной даты и перескакивая на другой аспект, пусть и не менее кошмарный, но хоть как-то поддающийся логическому осмыслению. – Что там не так с этой Поверхностью?!

– Ну... Это долго объяснять, – начал было ассистент № 1. – Чтобы понять суть процессов, происходящих сейчас на Поверхности, нужно...

– А если в двух словах? – поторопил его Вадим.

– Эмм... Ну... – ассистент замялся.

– Там просто нельзя жить, – вмешался Мусаев. – Поверхность давным-давно сдохла.

– А люди? – сморозил глупость ошарашенный Вадим. – Там же были люди...

– Нет там людей, – угрюмо пробурчал Мусаев.

– Что значит «нет»? Как это «НЕТ»?!

– Цивилизация погибла, – подтвердил ассистент № 2. – Вся инфраструктура уничтожена. Природы как таковой нет. После Катастрофы выжило не более трёх-пяти процентов населения Планеты...

Глава 2

Заботы победителей

Какие чувства должен испытывать вменяемый человек, которого внезапно выдернули из уютного благоустроенного мира и перетащили в страшное будущее, в котором почти полностью уничтожено население Земли, а Поверхность непригодна для проживания?

«Как минимум недовольство... и справедливое желание воздать по заслугам виновникам такого неожиданного приключения», – скажет вменяемый читатель и не ошибётся.

Недовольство Вадима было радикальным и целенаправленным.

Расстрелять сволочей.

Решение было вполне серьёзным и чётко оформленным.

Всех оптом, без права на гуманизм.

Какой тут может быть гуманизм?! Сначала выпилили человека из родной реальности и поместили в чёрт знает какой кошмар. Потом по какой-то детской мотивации (человек всего лишь неудачно пошутил!) сожгли заживо в этой ужасной топке...

Такие вещи может творить только явный враг, который не вправе рассчитывать на милосердие.

Ребята, очень скоро вы все умрёте...

Вадим неспешно оценил обстановку и объём задач.

Шесть человек, три автомата, два агрегата невнятной конфигурации.

Так, вот это исключаем. Непонятно вообще, для чего нужны такие страховидные штуковины.

Автоматы были похожи на родной «АК», с которым Вадиму довелось возиться на военной кафедре института. Теория, сборка-разборка с завязанными глазами, несколько выездов на стрельбище, так что и с этими наверняка справится.

Надо только дождаться удобного момента и вырвать оружие у... допустим, у того парня, что слева у двери. Из троих вооружённых он выглядит самым неопытным и бестолковым. Мусаев и второй боец хотя бы держат оружие под рукой, в готовности к действию, а этот повесил автомат на плечо и глядит на Вадима, разинув рот.

В общем, поймать счастливое мгновение, вырвать оружие, снять с предохранителя, передёрнуть затвор, и...

Тут Вадим обратил внимание, что думает обо всём этом с каким-то леденяще-спокойным конструктивизмом, словно речь идёт об обыденных вещах. Например, о приготовлении завтрака.

«...Поставить сковороду на плиту, растопить масло, разбить три яйца...»

Между тем у Вадима начисто отсутствует опыт убийства себе подобного. И вообще, самым страшным сражением в его жизни была драка на дискотеке с пьяными шахтёрами с Левого Берега.

Вернее, даже не драка, а боевая беготня. Увернулся от одного, стукнул по носу второго, а потом полчаса шаркался вокруг родного ДК, скрываясь от разъярённой шахтёрской братии.

Вот это было приключение так приключение! Вагон драйва и эмоций, куча впечатлений и воспоминания на всю жизнь...

Озадаченный своей убийственной рациональностью, Вадим прислушался к себе и обнаружил, что какие-либо экспрессии по факту страшного открытия отсутствуют начисто.

Безотчётная тревога, ярость, пульсирующая фантомная боль уничтоженного организма, смертельная тоска и пугающее чувство одиночества в чужом враждебном мире – всё это чудесным образом куда-то исчезло.

Что это со мной?

Осталось какое-то странное благодущие и умиротворение, а также конструктивное восприятие обстановки на фоне тягучих плавающих звуков и медленно покачивающихся стен.

Да, а ещё люди двоились.

Только что их было шестеро.

Потом – дюжина...

О, а теперь опять шестеро!

По этому поводу возникла здравая мысль:

А с дюжиной справиться будет труднее... Разве что попробовать самому раздвоиться и работать на пару...

– А что за пилюли вы мне дали? – тягуче озарился Вадим.

– Транквилизатор Б-32, – не стал скрытничать ассистент № 2.

– Наша внутренняя разработка, – с гордостью добавил ассистент № 1. – Не токсично, не вызывает привыкания, почти безвредно. Полегчало?

Зачётные пилюли. Надо будет взять на заметку...

– Да, полегчало.

– Ну и замечательно...

* * *

Алексей Панин – воспитанный, интеллигентный и очень уравновешенный человек.

Несмотря на молодость, коллеги и друзья знают его как опытного учёного и бывалого исследователя, способного даже в минуту смертельной опасности «сохранять лицо» и невозмутимо выполнять свою работу в ситуации любой сложности.

Почему же появление человека из Прошлого вызвало такую нештатную реакцию: припадок счастливой истерии, слёзы радости и даже временную невменяемость на грани помрачения рассудка?

Чтобы было понятно, как уважаемый учёный докатился до жизни такой, надо кое-что пояснить.

Представьте себе, что ваш отец – автор теории Портального Поля.

А вы его последователь, преемник и ведущий специалист Проекта, который, ни много ни мало, может повернуть историю вспять и спасти Человечество.

Представьте, что из-за этого Проекта дружная подземная колония разделилась на две противоборствующие фракции и уже несколько лет пребывает в состоянии гражданской войны.

Враги уверены, что ваш Проект – это вредная фантастика, которая в итоге погубит остатки человечества.

Друзья, увы, не уверены, что у вас что-то получится, и с каждым месяцем эта неуверенность растёт. Более того, многие друзья всё чаще поговаривают, что это, конечно, не вредная, но... да, в самом деле – фантастика, или утопия, выбирайте, что вам больше по душе. В общем, всё идёт к тому, что очень скоро цементирующая фракцию идея будет признана несостоятельной и ошибочной со всеми вытекающими последствиями идеологического и социального характера.

Нет, вам-то понятно, что теория, в принципе, всем хороша, но... положи руку на сердце, вы вынуждены признать, что с результатами пока что всё было либо очень скромно, либо никак, либо вообще ни в какие ворота.

Лучшим результатом до сего момента можно считать перемещение с соседнего Уровня почти не пострадавшего физически человека (был утрачен большой палец ноги и наблюдалось лёгкое помрачение рассудка).

Менее удачные эксперименты перечислять можно долго, их было много, и, как это ни печально, некоторые из них повлекли гибель людей.

Объединяло эти попытки одно: до сего момента всё это можно было отнести к категории «Линейное Перемещение в Пространстве».

Живого-здорового человека из Прошлого затащили впервые.

Таким образом, сегодня наступил переломный момент в Проекте: это не просто результат, а эпическое событие чрезвычайной важности.

Понятно, что до полноценного Портала, или «мостика» во Времени, ещё далеко, но тот факт, что здесь и сейчас присутствует юноша из 2014 года, свидетельствует о том, что Проект развивается в правильном направлении.

Иными словами, это ошеломляющий, потрясающий, невероятный Успех. Да, именно так, Успех с большой буквы.

Если бы Панин был верующим, он не колеблясь заявил бы, что это Божественное Откровение, ни больше ни меньше...

– А-а-а, родные мои! Вы не представляете, что мы с вами сделали! Да мы просто боги, мы лучшие во Вселенной!!!

* * *

Неизвестно, как долго продолжалась бы счастливая истерика и чем бы она закончилась для Панина (между прочим, истории известны случаи, когда совершившие великие открытия учёные на радостях реально сходили с ума), но тут вовремя вмешался сержант Мусаев, головой отвечавший за жизнь и здоровье молодого учёного.

Сержант поймал хаотично шарахающегося вокруг тележки с ЗИПами Панина за лямку спецкостюма, хлопнул ладонью промеж лопаток, и, грубо встряхнув за плечи, рявкнул в ухо:

– Лёша, мы в рейде! Очнись, не время пузыри пускать!

А поскольку Панин не проявил чёткой реакции на увещевания, сержант скинул скафандр, набрал в рот воды из фляжки, и в три сессии, основательно так, sprysнул усеянное счастливыми слезами учёное личико.

Да так основательно, что Панин поперхнулся и закашлялся.

Вот эта последняя процедура окончательно победила приступ счастливой истерии, и первооткрыватель наконец-то пришёл в себя.

– Да-да, я в порядке... Всё нормально... Пффф... Почему я мокрый? Ах да, понял... Так, ребята: переодеваемся, собираемся, уходим.

Военные послушно принялись снимать спецкостюмы, а учёные потратили минуту на диспут по вопросам вирусологии.

Ассистент № 2 высказал опасение, что, если всё это не сказки и Вадим в самом деле прибыл из Прошлого, тогда есть вероятность, что он является носителем целой группы вирусов.

То есть имеются в виду такие вирусы, что безвредны для обитателей Прошлого, но смертельно опасны для популяции К-55.

Ассистент № 1 поддержал эту мысль и предложил сначала упрятать Вадима в спецкостюм, а уже потом всем разоблачаться.

Панин тут же доказал, что припадок незамутнённого счастья не повлиял на его умственные способности, и в два счёта опроверг доводы коллег:

– Четверть населения К-55 родилась на Поверхности. Все прочие – их дети и внуки. Так что мы без проблем справимся с любым вирусом, занесённым из нашего Прошлого полувековой давности. Вот если бы между нами была разница в десять-пятнадцать веков, стоило бы задуматься... А теперь по части секретности: если с нами будет «Некто в спецкостюме»,

все обратят на это внимание и сразу начнутся пересуды и сплетни. Так что все бегом разоблачаемся, и давайте переоденем Вадима.

Все сняли спецкостюмы и уложили в ящики, а Вадима переодели в один из ремонтных комбинезонов из зиповского комплекта.

Комбезы были засаленные, в маслянистых пятнах и благоухали мазутом, поскольку их держали как раз на случай разных аварийных работ. Однако выбирать не приходилось: родной наряд Вадима слишком бросался в глаза и в самом деле был похож на экспонат Исторического музея.

– Нормально, – одобрил Мусаев, придирчиво осмотрев переодетого гостя из Прошлого. – Ты у нас будешь техником с Восьмого Уровня. Так пойдёт?

– Почему так? – уточнил Панин.

– В рейдовой группе нет никого с Восьмого Уровня, – пояснил Мусаев. – Меньше вопросов будет.

– Да, пойдёт, – согласился Панин. – Вадим, запомните: Восьмой Уровень, Юго-Восточный сектор, там мастерские.

– Запомнил.

– Хорошо. А теперь, дорогие соратники, я вынужден привести вас всех к Присяге.

«Присяга», это, конечно, громко сказано. Скорее, подписка о неразглашении.

Панин набросал прямо в лабораторном журнале обязательство о гробовом молчании по факту результатов Эксперимента № 394, проставил ФИО и должности присутствующих и собрал подписи.

Вадима тоже заставили подписаться, объяснив, что до особого распоряжения вся информация о проведении исследовательских работ является совершенно секретной и за её разглашение полагается ИМН (исключительная мера наказания).

Вадим послушно начертил автограф, после чего расслабленно уточнил, что у них тут подразумевается под ИМН.

– Рудники пожизненно, – пояснил Мусаев.

Вадим пожал плечами, а потом кивнул.

Он понятия не имел, что происходит в этих рудниках. Однако коль скоро это ИМН, значит, там явно не курорт. Ну и понятно, что не стоит стремиться туда попасть, на этот не курорт.

Затем ассистенты упаковали гравипушки, а Панин тем временем взял замеры полевого фона с конвертера, прилегающего сектора... и с Вадима.

– Странно...

– Что такое? – насторожился сержант Мусаев. – Радиация?

– Нет, радиация в норме. Но... Даже и не знаю, как это объяснить... В общем, прибор до сих пор фиксирует параметры portalного поля. Если бы это не было невозможно в принципе... Я бы сказал, что оно перетекло в «объект». То есть в Вадима.

– А это на самом деле невозможно?

– Чтобы объект «всосал» в себя поле?

– Да.

– Это примерно то же самое, как если бы человек растворил в себе дверь вот этого отсека, – хмыкнул ассистент № 2.

Бойцы оценивающе посмотрели на массивную металлическую дверь и тоже хмыкнули.

– Может, проектор не вырубил? – предположил ассистент № 1.

– Маловероятно, – покачал головой Панин. – Проектор автоматически выключается в момент гибели поля.

– Но, в принципе, учитывая чрезвычайные обстоятельства, это возможно?

– В принципе... Короче, не будем гадать. Главное – результат превзошёл все ожидания, объект у нас, и нужно как можно быстрее доставить его в лабораторию...

Завершив, таким образом, все формальности, группа покинула отсек утилизации и отправилась в центральную часть Северо-Западного сектора.

* * *

Архитектура К-55 не баловала разнообразием и многогранностью форм и по большей части относилась к дизайну «бункерного формата».

Повсюду бетон, армированный стальными креплениями, стяжками, подпорками, вставками и прочими элементами крепёжных конструкций, выпирающие в помещения короба вентиляционной системы, разнокалиберные трубы и фрагменты устройств жизнеобеспечения, кабель по стенам и на потолках, на основательных кронштейнах, лабиринт магистральных коридоров и боковых ответвлений, двери и заслонки преимущественно овальной и круглой формы, с задвижками, фиксаторами и запорными рычагами, краска везде военная – немногочисленные оттенки серого и зелёного.

В целом всё выглядело мрачно и аскетично. Никаких растений в кадках, картинок или фотообоев для радости глаз или даже просто какой-нибудь яркой цветной тряпицы...

Не удивлюсь, если тут все поголовно страдают от депрессии.

Группа двигалась по относительно просторной «магистрали», высотой два с половиной и шириной в три метра.

Боковые ответвления были той же высоты, но поуже, шириной метра в полтора.

Массированная пальба стихла, временами издалека, с юго-восточной оконечности сектора, раздавались отдельные выстрелы.

Динамики громкоговорителей продолжали с занудной методичностью транслировать обращение к населению захваченного сектора:

«Внимание! Сектор перешёл под контроль фракции «Профилактика». Временную администрацию возглавляет лейтенант Говоров. Всем сохранять спокойствие и находиться в своих модулях, перемещение по сектору всё ещё опасно. Внимание солдатам и офицерам «Реконструкции»! В соответствии с требованиями параграфа номер двенадцать Военного Протокола К-55 вы обязаны прекратить сопротивление, зачехлить оружие и прибыть для оформления в Администрацию. Всякий, кто не выполнит требование Военного Протокола, будет объявлен военным преступником и уничтожен. Внимание! Сектор перешёл под контроль...»

И так далее по кругу.

– Могли бы и вырубить, – прокомментировал ассистент № 2. – Полчаса уже орёт, все давно слышали...

В помещениях, которые были видны с магистрали, царил живописный беспорядок: вещи разбросаны, мебель свалена в импровизированные баррикады, кое-где взорваны двери. В коридорах из пробитых труб текла вода и бил пар, затуманивая округу, искрила повреждённая проводка и с пугающей частотой мигали плафоны освещения, словно бы намекая, что могут в любой момент погаснуть.

Не обошлось без крови и трупов, которые валялись как попало, даже не накрытые – людям пока что некогда было заниматься мёртвыми, нужно было решать вопросы с живыми.

Отовсюду раздавались крики, команды и стоны раненых, по магистрали и ответвлениям, несмотря на рекомендации громкоговорителя, оживлённо перемещались все кому не лень, и оккупанты, и местные жители.

Тащили раненых на носилках, гнали пленных со связанными руками и мешками на головах, волокли кабель и аппаратуру, скандалили, ругались, выясняли отношения, и уже работали, несмотря на военный бардак, – пытались чинить поломки и устранять разрушительные последствия боевых действий.

В общем, было шумно и людно.

Движение в основном стремилось к центру сектора, туда же направлялась и группа.

Чем ближе к центру, тем ощутимее наносило дымом. Кое-где в плохо проветриваемых местах было заметное задымление и люди кашляли.

На дым все без исключения реагировали тревожно.

Из-за тележки с оборудованием группа двигалась неспешно, и их регулярно обгоняли люди, поспешавшие к центру. И все, кто обгонял, и солдаты, и местные жители, озабоченно спрашивали, где горит, насколько серьёзен пожар и почему до сих пор не потушили.

Даже пленные из-под мешков возмущались:

– Вы, вообще, контролируете обстановку? Почему до сих пор горит?!

Наверно, тут полно бывших пожарных... Или, может быть, пожар здесь – большая проблема для всего населения...

Несмотря на расслабленность, Вадима посетили разом две умные, но противоречивые мысли.

Первая: возмездие пока что придётся отложить.

Надо сначала разобраться в обстановке, понять, как тут всё устроено, на что можно надеяться и рассчитывать.

Можно ли на что-то рассчитывать, если Вадим попробует где-нибудь в укромном уголке напасть на конвой и эта попытка сорвётся?

(Положа руку на сердце, Вадим чувствовал, что попытка непременно сорвётся – нет у него опыта и особых личных качеств, потребных для такого деяния.)

Даже если Вадиму дико повезёт и получится тихо и незаметно уложить всех шестерых... И что дальше? Обращаться ко всем подряд встречным и наводить справки в формате «...Я тут это... того... техник с Восьмого Уровня. Не подскажете, как вернуться в Прошлое? Мне недалеко, всего-то на полвека назад...»

Бред, как сказал бы ассистент № 2.

Между тем Панин хочет как можно быстрее доставить его в некую «лабораторию». Если немного порассуждать в этом направлении, можно предположить, что именно в этой лаборатории стоит аппарат, который выпилил Вадима из родной реальности и переместил сюда.

Ну и, как следствие, есть надежда, что из той же лаборатории удастся вернуться обратно в своё уютное прошлое. Маленькая такая, бледненькая, но есть.

Надежда, какая бы призрачная и зыбкая она ни была, это всегда хорошо. Это внушает оптимизм и наполняет жизнь смыслом.

Вторая мысль, увы, в корне противоречила первой и была насквозь выкрашена в серое, под стать местному видеоряду.

Я никогда не вернусь обратно. Я до конца дней своих обречён прозябать в этом жутком подземелье. Господи, как хорошо, что у меня нет клаустрофобии...

* * *

У одного из боковых ответвлений группа остановилась, чтобы скорректировать ситуацию.

Это был квадратный закуток три на три, с санитарными каталками-кушетками, обитыми дерматином, и задраенной дверью, на которой красовалась табличка с надписью «ЯСЛИ».

Из-за двери доносились истошные женские вопли на фоне возбуждённого суетливого бормотания, и стук, гаденький такой стукоток, как если бы кто-то быстро-быстро подпрыгивал на такой вот санитарной каталке, что стоят у двери.

Ещё были слышны приглушённые удары, словно кто-то вдалеке бил чем-то мягким по вибрирующей металлической поверхности.

– И чего встали? – спросил Мусаев.

– Надо вмешаться, – Панин кивнул на дверь.

– Войска в осаждённом городе, – хмыкнул Мусаев, проявляя недюжинную осведомлённость по части истории погибшего мира. – Три дня и три ночи...

– Теперь это наш сектор, – напомнил Панин. – И мы в ответе за всё, что здесь творится. Давай, Ильдар, покажи, кто в доме хозяин.

Досадливо нахмурившись, Мусаев подошёл к двери и забарабанил по ней кулаком.

Бормотание и гаденький стукоток стихли, а истошные вопли слегка потеряли интенсивность.

– Открывай! – по-хозяйски рявкнул Мусаев.

В ответ из-за двери прозвучал недвусмысленный послыл в известное место.

– Открывай, а то взорвём! Считаю до десяти – и взрываю! – осерчал Мусаев. – Восемь! Девять! Десять!!!

Дверь распахнулась.

– А чего сразу с восьми? – В голосе вопрошавшего звучали искреннее недоумение и обида. – Если «до десяти», то надо с «одного» начинать!

В «яслях» можно было наблюдать древнюю как мир картинку, неизбежно сопутствующую великому множеству отзвучавших военных конфликтов: трое захватчиков, суетливо заправляющих штаны, и девица с задранном подолом на кушетке с колёсиками.

Тут, однако, сугубо военная ситуация заметно скособочилась в сторону изврата: девица была буквально на сносях.

Её огромный белый живот вздымался над кушеткой и жил своей отдельной жизнью: он дышал, пульсировал и содрогался, словно бы негодуя по факту учинённого с его хозяйкой безобразия и собираясь выйти вон из организма.

– Ого... Да у нас тут роды намечаются! – воскликнул Панин. – А ну, отоприте акушерку!

В противоположной от входа стене была дверь с застеклённым смотровым окном. Дверь вибрировала от ударов, а в окно было видно перекошенное от гнева лицо немолодой женщины.

Выпущенная на волю женщина первым делом выписала по увесистой оплеухе тем, кто подвернулся под руку – Мусаеву и Панину (которые к содеянному не имели никакого отношения), и вразвалку устремилась к корчившейся на кушетке девице.

Сюрприз! Это была отнюдь не акушерка, а ещё одна роженица, только в возрасте, хорошо за пятьдесят.

Панин заглянул в соседнее помещение и озадаченно спросил:

– А где ваши врачи?

– Видимо, убежали раненым помогать, – высказал предположение Мусаев, потирая ушибленную щеку. – И за что, спрашивается?

Между тем у девицы на кушетке стали отходить воды.

– Чего встали, болваны?! – зло крикнула дама в возрасте. – Катите её в операционную, будем роды принимать!

– Дельная мысль, – одобрил Мусаев. – Итак, орлы-осеменители, вы все назначены в команду по приёму родов.

– Но мы... – попробовал было возразить один из осеменителей.

– Никаких «но»! – рявкнул Мусаев. – Если с дитём что-то случится – все трое пойдёте на рудники.

– Пожизненно, – добавил Панин. – Я лично проконтролирую.

– Всё, вопросов нет: за дело, – завершил разговор Мусаев. – Шевелись, пехота!

Больше команд не потребовалось: осеменители бросились к кушетке и покатали роженицу в соседнее помещение.

После этого исследовательская группа с чувством исполненного долга покинула «ясли» и продолжила движение к центру сектора.

– А они сумеют принять роды без врача? – усомнился Вадим.

– Да куда ж они денутся, – хмыкнул Мусаев. – Не хотят на рудники – примут за милую душу.

Панин счёл нужным прокомментировать сентенцию сержанта.

Каждый житель К-55 проходит углублённую программу медицинской подготовки, способен оказать квалифицированную помощь себе и ближнему и в числе прочего может в одиночку принять роды.

– Это не вывих тоталитарного режима, а суровая необходимость. На момент Катастрофы нас было около тридцати тысяч: персонал К-55, плюс жители города, которым удалось спастись. Сейчас осталось немногим более пятнадцати тысяч. У нас мало женщин, и, несмотря на все усилия учёных и врачей, мы вымираем. Поэтому высокая личная выживаемость и забота о ближнем своём – в списке основных приоритетов.

Вадим хотел было расслабленно съязвить, что тут кое-где взорваны двери и валяются трупы, которые плохо вписываются в концепцию тотальной заботы о ближнем...

Но немного подумал и воздержался.

Он пока что не настолько хорошо разбирается в местных коллизиях, чтобы делать какие-то выводы, так что разумнее будет промолчать.

* * *

После «яслей» концентрация дыма заметно усилилась и Мусаев дал команду надеть респираторы и приготовить к использованию САДы (системы автономного дыхания).

Все натянули респираторы и разобрали с тележки сумки с противогазами и комплектами САД.

Мусаев по ходу движения объяснил Вадиму, как пользоваться системой.

– Смотри сюда. Откручиваешь от противогаза «родной» бачок, укладываешь в сумку. Берёшь вот этот плоский бачок с регенеративным патроном, активируешь вот этим тумблером и быстренько продуваешь. Прикручиваешь к противогазу. Противогазом пользоваться умеешь?

– Да, умею.

– Значит, детали опускаем. Надеваешь противогаз, и можешь гулять целый час в любом дыму. Или три часа сидеть на месте, не двигаясь. Вопросы?

– Всё понятно.

Аббревиатура САД расслабленного Вадима слегка позабавила, и он хотел было пошутить в этом направлении, но, опять же, вовремя передумал.

Если на Поверхности погибла Природа, то тут наверняка нет никаких садов. Так что шутка будет плоской и печальной или даже вовсе не шуткой, а издевательством.

По пути регулярно попадались посты связи: допотопные телефонные аппараты на стенке, без номеронабирателей и прочих излишеств, просто снимаешь трубку и говоришь.

Несколько раз Панин пытался выяснить, где находится командир рейдовой группы лейтенант Говоров, но ничего не вышло. То ли телефонисты с коммутатора разбежались, то ли провода где-то оборвало, в общем, связь отсутствовала.

И в завершение, как и было обещано мигающими плафонами, вскоре погас нормальный свет и включилось аварийное освещение. В округе воцарился тревожный красный полумрак, усугубленный сгущавшейся с каждым шагом дымовой завесой.

– Ну, совсем здорово, – пробурчал Мусаев. – Включили фонари, построились по-боевому!

«По-боевому» в теперешней ситуации было так: двое бойцов в пяти метрах перед тележкой, Панин и Вадим сразу за тележкой, ассистенты чуть позади, и в замыкании сержант Мусаев.

Вскоре навстречу попала ремонтная бригада: один солдат Профилактики и трое местных техников.

– Привет науке!

До сего момента вся публика стремилась к центру и обгоняла группу с тележкой, а эта бригада, напротив, спешила из центра к вспомогательной подстанции, которую под шумок кто-то злодейски взорвал.

Солдат сообщил, что в центре вовсю горит кабельник (кабельный тоннель) и Говоров лично руководит пожаротушением.

Один из техников подсказал, что по магистрали идти не стоит: вентиляция не работает, там дальше дымовая пробка. Лучше сейчас свернуть и двигаться в обход. Если свернуть вот здесь и всё время держаться левой стороны, можно быстро добраться до центра.

Так и поступили. Группа направилась в указанное ответвление и вскоре вышла к пресловутому кабельнику, который беспощадно задымил весь сектор.

Здесь вовсю кипела работа. Вход в кабельник был залит пеной, рядом валялись несколько десятков пустых огнетушителей, но в глубине тоннеля продолжало яростно полыхать пламя.

Магистраль утонула в клубах густого чёрного дыма, едкого и вонючего, респиратор не спасал от удушливой вони жжёной проводки.

В дыму метались лучи фонарей и сновали люди с инструментом.

– Тащи сюда! Живее, б..., живее!!!

Слышались искажённые противогазами крики и деловитые команды, кто-то отчаянно ругался, пара солдат волокла кого-то на выход, в зону минимального задымления.

Пожар уже никто не тушил, все присутствующие были заняты экстренными ремонтными работами.

Из дымного моря, как чёрт из преисподней, прямо на группу выскочил лейтенант Говоров – невысокий коренастый мужичка лет под тридцать, белобрысый, подвижный, хрипато-крикливый, облачённый в противогаз.

– А-а-а, лабораторные крысы! – радостно заорал Говоров, срывая противогаз. – Вовремя! Мне как раз нужны техники на семь участков! А ну, бегом натянули противогазы, я вам щас делянки нарежу! Бегом!

– Ты сначала обстановку доведи, – свойски осадил крикуна Панин. – Вы чего это тут устроили? Почему «отсос» не врубили? Почему пожар не тушите?

Говоров бегло довёл ситуацию.

Повреждена линия центрального электроснабжения.

Вспомогательная обесточена: кто-то взорвал подстанцию. Саботаж местных, не иначе, надо будет потом разбираться.

Поэтому победоносный отсос (герметизация кабельника и прилегающих отсеков и откачивание воздуха) не удался, вот и полыхает.

Тушить нечем, огнетушители кончились, а заливать кабельник из гидрантов чревато: там кабель высокого напряжения, а пол вровень с магистралью, в которой полно людей.

Поэтому все, кто хотя бы минимально «шарит» в электрике, сейчас обследуют центральную линию, которую мудрый Говоров условно разбил на равные сегменты.

В общем, сейчас задача № 1: восстановить линию, герметизировать кабельник и произвести тот самый «отсос». Если не поторопиться, весь сектор задохнётся от дыма – и это вовсе не фигура речи.

– Всё ясно, пошли работать, – Панин достал противогаз. – Но у тебя семь участков, а у нас только трое спецов.

– Зато какие спецы! – Тут Говоров обратил внимание на Вадима: – А ты кто?

– Техник с Восьмого, – заученно доложил Вадим.

– О! Опять перетащили! – порадовался за учёных Говоров. – Ну вы даёте! Пальцы целы? Яйцы на месте?

– Да вроде бы всё в порядке.

– Ну и отлично. Погоди... Ты техник? Как раз то, что надо! Дайте ему инструмент, приспособим парня к делу.

Панин категорически выступил против привлечения «техника» к какой-либо деятельности, мотивировав тем, что после Перемещения с него надо буквально пылинки сдувать и тщательно исследовать в лаборатории. Вообще надо радоваться, что Объект ходит на своих ногах и способен адекватно воспринимать действительность, и ни в коем случае нельзя подвергать его хотя бы минимальному риску. А работа с центральной линией – это ещё тот риск, так что...

Говоров стал напористо возражать: парень выглядит нормально, руки-ноги на месте, ну так и пусть немного поработает по профилю, ничего страшного с ним не случится.

Панин упёрся: нельзя трогать перемещенца, и точка.

Говоров не унимался, и они с Паниным принялись яростно спорить.

Почему бы не сказать правду? Пусть даже на ухо, «никакой это не техник, а...». Что за странные секреты от своих?

– А-а-а, лабораторные крысы! – возмущённо орал Говоров, отчаявшись сломить сопротивление учёного соратника.

Слова, как видите, были те же, что и при встрече, но теперь уже с другой интонацией.

– Всё под себя гребёте! Лучшего моего командира забрали!

...Жест в сторону сержанта Мусаева...

– Из-за вас целую экспедицию снарядили! Люди погибли! Инструмент не даёте! Теперь ещё и техника зажали!

– Я готов помочь, – неожиданно вмешался Вадим. – Давайте уже работать, а то там весь кабель выгорит.

– Молодец, парень! – Говоров мгновенно прекратил вещать и одобрительно хлопнул Вадима по плечу. – Настоящий патриот!

– Вы уверены? – с сомнением уточнил Панин. – Может, это не совсем по вашему профилю?

– Я разберусь, – пообещал Вадим.

– Ильдар, присмотри, – попросил Панин. – Напомню, это особо важный Объект, так что глаз с него не спускай.

Мусаев молча кивнул.

– Да ты не бойся, головастик. – Довольный Говоров успокоил учёного соратника. – Ничего с ним не случится. Если хочешь, я вас рядом поставлю, у меня там есть два смежных участка...

* * *

Помощь исследовательской группы сдвинула процесс с мёртвой точки: минут через десять подача энергии была восстановлена.

Запитали приводы шлюзовых камер, загерметизировали кабельник и прилегающие отсеки и произвели тот самый несостоявшийся вовремя «отсос».

Убедившись, что пожар потушен, Говоров поставил задачу по ликвидации задымления в секторе и под давлением озабоченного Панина принял участие в совещании по поводу срочной доставки Вадима в лабораторию на 12-м Уровне.

На совещании присутствовали Говоров, Панин и Мусаев.

Остальные участники исследовательской группы занимались полезным делом. Коллеги Панина возглавили мероприятия по ликвидации задымления, а своих бойцов Мусаев поставил охранять административный блок.

Собственно, острой необходимости в дополнительной охране не было: сектор под контролем, все ключевые точки надёжно перекрыты. Просто Мусаев хотел держать бойцов под рукой, дабы ненароком не сболтнули лишнего, обмениваясь впечатлениями с возбуждёнными после боя сослуживцами.

В административном блоке был относительный порядок и даже уют, за мелким вычётом густой копоти на потолке и стенах в кабинете главы администрации.

Этот глава, человек рачительный и пунктуальный, пытался в соответствии с должностной инструкцией сжечь документацию. Увы, сейфы, рождённые ещё в СССР, успешно саботировали это важное мероприятие: не сработал ни один из шести пиропатронов, так что пришлось в спешке жечь вручную, и значительная часть документации уцелела.

– Вот же безрукий болван! – заметил Говоров. – Даже бумаги толком сжечь не сумел.

По большому счёту, добросовестный глава зря старался. Ну какие, спрашивается, секреты могут быть в бумажной рутине этого захолустного сектора, о которых не знала бы разведка Профилактики?

Вытяжка ещё не работала, так что включили два вентилятора на аккумуляторе, обновили влажные марлевые повязки и присели посовещаться.

Первым делом Панин озвучил главную задачу текущего момента:

– Надо как можно быстрее доставить Вадима на 12-й Уровень. Отправляемся через полчаса, прошу усилить группу дополнительным конвоем.

– Забудь, – небрежно отмахнулся Говоров. – Сейчас не до этого.

Панин принялся горячо настаивать, но Говоров был непоколебим.

Работы неспорно, нужно экстренно привести в порядок системы жизнеобеспечения и одновременно организовать глубоко эшелонированную оборону сектора, ибо очень скоро сюда явятся прежние хозяева, чтобы отвоевать захваченную территорию.

Так что каждый человек на счету, тем более такие специалисты, как Панин и его ассистенты.

– Да тут только в одном кабельнике придётся неделю пахать без сна и отдыха! Нет, даже и не проси. Центральная Лаборатория сотню лет прожила без техника с Восьмого, и ещё столько же проживёт. Оборудуемся, отобьёмся, восстановим связь с анклавами, тогда и отправитесь...

Убедившись, что легенда о «технике с Восьмого» отнюдь не способствует скорейшей отправке Объекта в лабораторию, Панин сменил тактику.

– Это не «техник с Восьмого».

– А кто? – Говоров впился в Вадима взглядом, пытаясь понять, что же в этом обычном на вид пареньке такого особенного.

– Я тебе всё скажу... но сначала приведу к Присяге.

– Да трижды вбок твою присягу, так говори!

– Ну уж нет. Сначала Присяга, потом информация...

Говоров ожидаемо упёрся и стал спорить. Он изнывал от любопытства, но до последнего тянул с подпиской о неразглашении.

Все, кроме Вадима, прекрасно знали подоплёку этого явления.

– Чёртов бюрократ! Мышь ты подопытная! Ты с кого подписку требуешь?! С меня, боевого и испытанного командира?

– Саша, ты прекрасный командир, – согласился с очевидным фактом Панин. – Но ты... балабол. Так что уже к вечеру этот секрет будет известен всему сектору.

– Это я балабол? Да как ты смеешь ронять мой авторитет перед младшим командиром?! Ты знаешь, что за это в рейде полагается?!

– Этот «младший» тебя воспитал и вывел в люди, – не моргнув глазом, парировал учёный. – Хм... И он прекрасно знает, что ты балабол. Ну и как я тогда уронил твой авторитет, если он и так в курсе?!

– Нет, ну эти лабораторные крысы совсем оборзели! «Балабол»... Ильдар, ну скажи уже что-нибудь, чего молчишь-то?

– Саша, ты и правда самый лучший в мире командир, – подтвердил Мусаев. – Поэтому тебе доверили рейдовую группу.

– Ну так о чём я и говорю... – приосанился было Говоров.

– Но ты в самом деле балабол, – без пиетета добавил Мусаев. – И у тебя везде друзья. Так вот – что там сектор – через пару дней этот секрет будут знать на всех уровнях! И у «реконов», кстати, тоже.

– Ну... Ну, спасибо, Ильдар!!!

– Всегда пожалуйста. Обращайся, если что. Но ты, Саша, чтись Закон, поэтому после Присяги будешь молчать. Это, конечно... эмм...

– Адские муки, – подсказал Панин.

– Ещё какие муки! – хмыкнул Мусаев. – Знать ТАКОЕ и ни с кем не поделиться...

– Но это единственный вариант, – резюмировал Панин. – Блеснуть сенсацией – и загреметь в рудники, или молча хранить в себе тайну... Саша, я понимаю, что для тебя это очень непросто, но другого выхода не вижу. Так что бегом решай, хочешь ты это знать или просто поверишь нам с Ильдаром на слово.

– Я, вообще-то, командир, – сделал последнюю попытку Говоров. – А мы на военном положении. Могу приказать...

– Все члены исследовательской группы приведены к Присяге, – Панин хлопнул на стол лабораторный журнал. – Прикажешь нарушить Присягу в угоду твоему сугубо личному любопытству, не имеющему абсолютно никакого отношения к служебной необходимости?

Говоров раздумывал недолго. Любопытство закономерно победило здоровые опасения в перспективе заполучить дополнительный груз ответственности, и лейтенант поставил роспись в лабораторном журнале.

– Знакомся, – с гордостью первооткрывателя представил Панин. – Вадим Набатов, человек из Прошлого. А именно – из 2014 года...

С логикой у Говорова был полный порядок, поэтому он не сразу поверил учёному собрату. Более того, лейтенант решил, что это такой дурацкий и несвоевременный розыгрыш, и в свойственной ему манере некоторое время сердито орал про вконец оборзевших лабораторных крыс.

– Думаете, вы одни умные, а все вокруг идиоты? Народ, он мудрый! Он всё видит! Его не обманешь!

– Смотри сюда, народ. Как тебе это?

Панин не стал размениваться на голословные убеждения, а просто показал лейтенанту одежду Вадима, мобильный телефон, продемонстрировал данные, сохранившиеся на мобильном, и в завершение попросил гостя из Прошлого в двух словах рассказать, как он сюда попал. Вадим рассказал.

Говоров выслушал с недоверием, но возмущаться перестал и задал вопрос по существу:

– А чего это он у вас «плавает»? Бухой, что ли? Не пахнет вроде...

– Б-32 угостили, – пояснил Панин. – Тяжело перенёс Перемещение, чуть не умер.

Лейтенант примолк и стал бесцеремонно рассматривать Вадима.

В его взгляде боролись интерес и недоверие.

Самый главный человек этого сектора был сейчас похож на ребёнка, которому показали необъяснимый фокус. Вроде бы всё здорово, кролик получился вполне аутентичным, в меру пуховым и ушастым, но... верится с трудом и хочется побыстрее обнаружить, в чём же тут подвох.

– Ильдар, что думаешь? – Долгое молчание для Говорова было противоестественно, потому он привычно обратился к авторитетному человеку.

– Ну... Я видел и слышал то же самое, что и ты, – Мусаев неопределённо пожал плечами. – Вроде бы похоже на правду, но...

– Вот то-то, что «но», – проворчал Говоров. – Эти лабораторные крысы на всякое горады, так что...

– А у вас же тут солнца нет, верно? – расслабленно встрепенулся Вадим.

– Это точно, – усмехнулся Мусаев. – Нет и никогда не было. Как-то забыли смонтировать.

– А солярии есть?

Аборигены переглянулись и с недоумением пожали плечами.

– Это с солью связано? – уточнил Говоров. – Всю жизнь на Тринадцатом добывали...

– Нет, соль здесь ни при чём. Вы где-то загораете, нет? Как-то решаете проблему с витамином Д?

– «Мультивит-55», – с гордостью сообщил Панин. – Комплексный витаминный препарат, в числе прочего полностью компенсирует нехватку в организме витамина «Д». Наша разработка.

– Да ладно, «наша», – поправил объективный Мусаев. – Витаминки реконы придумали, разве нет?

– На момент выпуска почти доведённой до ума бета-версии у нас ещё не было войны, – возразил Панин. – Так что это совместный проект, в тот момент мы работали сообща.

– Тогда вот, гляньте...

Вадим расстегнул комбинезон и приспустил трусы.

– Не поймите превратно, эксгибиционизмом никогда не страдал, но это будет наглядно.

– Это что, болезнь какая-то? – спросил Панин, рассматривая полоску белой кожи.

– Это загар, – пояснил Вадим. – В сентябре на курорт ездил. Это уже сошло, сразу после приезда вообще был коричневый, как... эмм... ну, скажем, как шоколадка. Единственное местечко, которое белым осталось. Хм... Вообще была мысль на нудистском пляже позагорать, но...

Панин сбегал за камерой и попросил Вадима продемонстрировать всю незагорелую локацию. Без утайки.

Учитывая обстоятельства, Вадим не стал возражать, но не удержался от комментария:

– Ну всё, теперь у вас полный порядок с демократическими ценностями. Теперь, как и в любом правовом государстве, у вас будет своя «порнуха».

– Да у нас полно мест, где можно попариться, – не понял юмора Мусаев. – Бань тут хватает.

– Это точно, – подтвердил Говоров. – Доберёшься до Лаборатории, попроси, пусть сводят – у них там классная банька, с бассейном и аж с тремя парилками, «сухой», «мокрой» и вообще такой, что кругом белый пар и ни фиги не видно.

– Это не парилка, а ингаляторий, – поправил Панин. – Обязательно сводим, но сначала надо добраться...

Экспромт с демонстрацией почему-то стал решающим аргументом для Говорова, да и для Мусаева, который, похоже, всё-таки сомневался в том, что Вадим действительно прибыл из Прошлого. То есть телефон, одежда, рассказ – всё это как-то не зацепило, а вот загар поразил до глубины души.

Пока Панин возился с камерой, Вадим по просьбе неискушённой публики в двух словах объяснил, как получается вот этот самый «загар».

Ты валяешься на пляже, пятки лижет ласковый прибой, на тебя светит солнце, и всё очень просто и естественно... Для мира полувековой давности.

Для нынешнего мира это фантастика или сказки из прошлой жизни.

– Старики рассказывали, – дрогнувшим голосом подтвердил Мусаев. – Вроде бы так всё и было, когда ещё жили на Поверхности...

* * *

Расшифровка истинного статуса Вадима сразу всё расставила по своим местам и решила проблему с приоритетами.

Проект, эта идеология фракции, её жизненная позиция, можно даже сказать – религия. «Всё во имя Проекта, всё во благо проекта» – это не просто лозунг, а руководство к действию и основная концепция выживания.

И ни одному вменяемому командиру и руководителю Профилактики не нужно объяснять, что значит для Проекта живой-здоровый «человек из Прошлого».

На фоне многолетней безрезультатной возни и множества линейных Перемещений последнего полугодия, когда курьёзных, а когда и трагических, «человек из Прошлого» – это реальный прорыв и сенсация.

Поэтому вопрос о целесообразности экстренной доставки Вадима в Лабораторию уже не стоял. Понятно, что нужно всё бросить, расшибиться в лепёшку и доставить как можно быстрее, в целости и сохранности.

Теперь следовало решить техническую сторону вопроса.

А именно: как доставить.

И здесь сразу намечались проблемы.

Развернули атлас К-55 – компактный набор карт, схем и планов уровней с подробной экспликацией, стали рассматривать маршруты.

– «Железка» отпадает, – Говоров сразу отмёл самый простой и удобный вариант. – Весь Уровень, кроме этого сектора, под реконами, так что перехватят на первой же станции.

По той же причине забраковали ещё три относительно удобных маршрута. До сегодняшнего дня большая часть Пятого Уровня была под контролем Реконструкции, поэтому, чтобы добраться до любой точки перехода между уровнями – например, до центрального лифта, пришлось бы вести кровопролитные наступательные бои.

К масштабным наступательным операциям рейдовая группа была не готова: дай бог в глухой обороне отстоять Северо-Запад до подхода основных сил.

Маршрут по системе коммуникационных тоннелей, по которому рейдовая группа прокралась в Северо-Западный сектор, исключили ввиду прорыва информационной блокады. Несколько вояк Реконструкции успели удрать на дрезине по «железке» – местному аналогу метро, так что теперь враг знает, откуда именно вломились нежданные захватчики.

Перебрав все варианты, остановились на последнем маршруте.

Последнем во всех смыслах, по безопасности, удобству и протяжённости: через Старые Рудники.

– Плохой маршрут, – покачал головой Мусаев.

– Точно, – подтвердил Говоров. – Лёша, дрянь-маршрут! Оставайтесь, сделаем связь, дождёмся подкрепления, тогда уже будем думать. Может, другие варианты образуются...

– Ну уж нет, – решительно возразил Панин. – Понятно, что Старые Рудники – не магистраль, но... сами видите, это единственный путь. И надо отправляться как можно быстрее, пока Реконструкция не очухалась и не перекрыла нам этот путь.

– А что там не так, в этих Старых Рудниках? – заинтересовался Вадим.

– Там всё «не так», – зловеще прищурился Говоров. – Там «техников с Восьмого» едят живьём!

Зловещий прищур лейтенанта показался Вадиму театральным, и он вопросительно посмотрел на Мусаева.

Сержант коротко пояснил, что Старые Рудники в самом деле не магистраль, это правильно Панин сказал, и там может случиться всякое.

Если промедлить, есть вариант напороться на реконов, либо просто перекрывающих вероятные пути отхода, либо отправленных для создания вспомогательной ударной группы – основная приедет по «железке».

Кроме того, Старые Рудники – они реально старые, их давным-давно никто не обслуживает, и во многих местах там запросто можно угодить под обвал.

Ещё там шастают разные мутные типы, ничем не лучше реконов, а порой и хуже, причём как люди, так и не очень, то есть не совсем люди.

– Ну и в самом деле, если уж совсем не повезёт, могут и съесть...

– А вот это уже в самую последнюю очередь, – уверенно заявил Панин. – От этого нас надёжно защищает наука.

Насчёт «не совсем люди» и кто там может кого-то съесть в этих рудниках Вадим ничего не понял, но с ходу уточнить не получилось, поскольку руководство принялось горячо спорить по поводу численного состава экспедиции.

Панин требовал добавить исследовательской группе дополнительный конвой в составе как минимум пяти бойцов.

Говоров, проявляя несгибаемую последовательность, сердито орал про жадных загребущих лабораторных крыс, которые всё норовят подмять под себя, и мало того что не собирался никого добавлять, но ещё и хотел сократить группу до критического минимума.

Пока непримиримые сверстники спорили, практичный Мусаев нашёл несколько чистых листов, заточил карандаш ножом и занялся примитивной картографией.

Обстоятельно и неспешно, уверенными штрихами сержант чертил схему маршрута, сверяясь с атласом и иногда вздевая очи к закопчённому потолку, словно бы пытаясь освежить в памяти некие картинки.

– А вам доводилось бывать в этих рудниках? – поймав паузу в споре оппонентов, спросил Вадим.

Мусаев односложно ответил «доводилось».

Вадим спросил, по какому поводу доводилось и как часто в этих рудниках случаются трагические события, связанные с гибелью либо пропажей людей... но сержант почему-то нахмурился и отвечать не стал.

Вадим раскрыл было рот, чтобы повторить вопрос, однако Панин прервал на полуслове умнейшее изречение и предупредительно нахмурился, а Говоров запрещающим жестом показал «остановись, не развивай эту тему».

Вадим кивнул: «Понял, не буду».

Очевидно, в этих пресловутых рудниках случилось нечто такое, о чём сержанту не хочется говорить.

Эта маленькая заминка сбила накал полемики, и стороны наконец-то пришли к соглашению.

Дополнительного конвоя не будет. Плюс к тому Говоров оставляет ассистентов Панина, поскольку в рудниках они не нужны. Если придётся воевать, толку от них немного, а здесь каждый специалист на вес золота.

Когда уже обо всём договорились, Говоров вдруг мечтательно заметил, что, в принципе, Мусаев со своими бойцами запросто обошёл бы без Панина. И если Панин останется здесь, это значительно ускорит ремонтно-восстановительный процесс. Значительно!

Учёный желчно ответил, что Мусаев для организации обороны пригодится куда как больше, чем он, Панин, для ремонтных работ, да и бойцы его лишними не будут... И почему бы в таком случае не отправить Вадима в рудники одного?

– Отличная идея! – обрадовался Говоров. – А что? Запросто ведь доберётся! Парень толковый, не робкого десятка, вон как работал...

– Саша, ты совсем дурак?! – взвился Панин. – Это был такой сарказм, неужели непонятно?

Тут полемика возобновилась с прежним накалом, и неизвестно, к чему бы привела, но Мусаев закончил чертить схему и прикрикнул на резвящееся начальство:

– Вам что, заняться больше нечем? Как дети малые... Готовьтесь к выходу, выдвигаемся через десять минут. Сань, выдели нам сухпай на пару дней. Лишним не будет.

– На пару? Там краулеров полно, с голоду не помрёте...

– Сань, не жмись. Тут у вас жратвы хватает, а десять сутодач ничего не решают.

– Ладно, уболтал.

– Да, и вот ещё что, – Мусаев дорисовал на одной из схем атласа три кружка и в каждом поставил восклицательный знак. – Это люки северного коллектора. На схеме они не обозначены, а коллектор выходит за линию сектора. Их надо заварить.

– Надо – заварим, – небрежно махнул рукой Говоров. – Как техники освободятся, отправлю.

Мусаеву такая легковесность не понравилась.

– Саша, мы сюда влезли через такие же люки, только в другом квадрате. Намёк ясен?

– Да заварим, заварим, не волнуйся! – Говоров вырвал у Мусаева карандаш, обвёл кружки и размашисто начертил: «Заварить, б...!!!»

– Вообще, неплохо было бы на все люки «сюрпризы» приспособить, – добавил Мусаев. – На худой конец «сигналку» установить.

– Сделаем, – кивнул Говоров. – Как техники освободятся, сразу отправлю.

– Да не «как освободятся», а надо прямо сейчас...

– Ильдар, что ты со мной, как с маленьким?! Это я тут команду, а не ты! Ты вон на прогулку намылился, так и чеши себе...

– Саша, в такой ситуации любая помощь лишней не будет, – серьёзно заметил Мусаев. – Мы уйдём, а ты останешься, так что соображай за троих.

– Я справлюсь, – заверил Говоров. – Да и не один я тут, головастых товарищей хватает.

– Хорошо. Давай паёк, да пойдём уже...

Глава 3

Старые рудники

Говоров вызвался проводить группу до западного шлюза, хотя в этом не было никакой необходимости.

Путь к шлюзу пролегал через станцию «железки» с пассажирским перроном и грузовым пакгаузом.

Станция была небольшая, её протяжённость позволяла вместить всего-то лишь мотовоз с тремя грузовыми платформами. Причём корма мотовоза практически упиралась в отбойник, в то время как край третьей платформы отчасти был в тоннеле.

Убегавший во тьму тоннель, забранный в чугунные тубинги, был похож на тоннели метро в Новосибирске и Москве, где Вадиму доводилось неоднократно бывать. Отличие заключалось в том, что здесь отсутствовал контактный рельс и не было ни одного плафона освещения.

По крайней мере, в той части тоннеля, что была видна со станции, ни контактного рельса, ни светильников не было.

Да и шпалы были сплошь бетонные – ни одной деревяшки.

А ещё здесь по-другому пахло, не так, как в обычном метро.

В метро пахнет множеством людей, дезинфектом, креозотом, горелой тормозухой и ещё парой десятков сложных составляющих, которые и образуют уникальный и неповторимый «метрошный аромат».

Здесь пахло машинным маслом и соляркой: все прочие оттенки терялись в этом доминирующем амбре.

За рельсами, напротив пассажирского перрона, располагался грузовой пакгауз со стационарным краном грузоподъёмностью в десять тонн.

На станции готовили оборонительные позиции.

Пленные под руководством бойцов Профилактики укладывали на перрон и на грузовую платформу мешки с песком и волокли в тоннель разные штуковины технологического характера.

Солдаты обеих армий были одеты в одинаковый камуфляж «Бутан» ещё советского производства и различались только по оснащённости амуницией: у бойцов-победителей были автоматы в положении «за спину» и разгрузочные жилеты с экипировкой, а пленные работали налегке.

Судя по тому, что в уголке на перроне были аккуратно сложены несколько автоматов и экипировка, которую охранял часовой, некоторые солдаты Профилактики работали наравне с пленными.

Интересно, как они в бою различают, где свой, где чужой? Ну ведь абсолютно всё одинаковое! Надо будет потом спросить сержанта...

В тоннеле, метрах в десяти от платформы, трое техников прутьями стальной арматуры заваривали наспех сваленную баррикаду из бочек, балок, железнодорожных колёс и разного хлама, который удалось собрать в ближайших окрестностях.

Искрила сварка, душераздирающе скрежетало ржавое железо, слышался забористый мат и крики.

Что-то там у них не ладилось.

На перроне группа ненадолго задержалась.

Говоров вполне ожидаемо возбудился безалаберным армированием баррикады, пробурчал:

– Минутку подождите, я щас...

...и побежал в тоннель, сердито орать на техников.

Воспользовавшись паузой, Вадим решил переложить свой рюкзак и стал вытряхивать вещи прямо на перрон.

– Есть желание перекусить? – озаботился Панин.

– Переложить хочу, – сказал Вадим. – Банки на спину давят.

Готовились в спешке, каждый сам укомплектовывал свой рюкзак, а в турпоходы Вадим хаживал в незапамятные времена – в классе этак шестом-седьмом, так что навыки подготовки к долгому пешему путешествию были утрачены.

И вроде бы мелочь, но от грамотной укладки зависит многое, иначе на первом же километре можно набить синяков или в кровь растереть спину.

В рюкзаке был сухпай, вода, медикаменты и перевязка, комплект ХЗ наподобие «Л-1», моток репшура с метками через метр, ряд полезных мелочей бытового характера, а также боеприпасы и спальник (спальный мешок). Да, «ХЗ» – это вовсе не вульгарный аналог «я не в курсе», как некоторые могут подумать, а просто химзащита.

Ещё Вадиму выдали монтажную каску с налобником, компас на ремешке, два фонаря, основной и запасной, складной нож в чехле и оставили противогаз, которым наградили ранее.

По экипировке можно было сделать вывод, что путешествие будет не совсем экскурсией, вполне возможно, придётся гулять в агрессивных средах или по участкам заражения и стучаться головой о низкие своды.

Компас был небольшой, похожий на часы, и Вадим сразу надел его на руку.

Когда собирались, Вадим обратил внимание, что ему и Панину дали для переноски патроны – правда, несколько меньше, чем бойцам, – но забыли выдать оружие.

Собирались в спешке, и было не до лишних разговоров. Сейчас вроде бы уже никто не торопился, так что Вадим задал вполне закономерный вопрос:

– А у вас что, дефицит стволов?

– Если дойдёт до боя, толку от вас с Лёхой будет немного, – Мусаев верно интерпретировал иронию гостя. – Мне удобнее, чтобы вас не было в схеме огня. Ну, чтобы не отвлекаться на вас, не переживать, что подстрелите ненароком кого-то из своих или раньше времени пальнёте, обнаружив себя.

– Кроме того, если рассматривать крайний вариант, у безоружного больше шансов остаться в живых, – добавил Панин. – В смысле, не убьют, а возьмут в плен. А там уже будет обмен или торг, по обстоятельствам.

– Точно, – подтвердил Мусаев. – В общем, если хотим сохранить вас обоих для науки – стволы вам давать не стоит.

Такой подход немало удивил Вадима.

Воспитанный на непростой и трагичной истории своей страны, он полагал, что война – это когда все от мала до велика, невзирая на пол, возраст и сексуальную ориентацию, яростно сражаются с врагом до последней капли крови всеми доступными средствами. И если нет оружия, то используют любые подручные предметы, а при отсутствии таковых грызут супостата зубами и рвут когтями.

Поэтому «пораженческое» высказывание учёного, спокойно воспринятое опытным военным Мусаевым, вызвало как минимум недоумение.

Замечание сержанта по «схеме огня» тоже показалось Вадиму странным.

Пять стволов по-любому лучше, чем три, разве нет?

И не важно, что Вадим ни разу в жизни не участвовал в реальной схватке: если дойдёт до боя, он наверняка справится! Пусть не на уровне регулярного бойца, но уж вести отвлекающий огонь или прикрывать товарищей сумеет.

Это ведь нетрудно. Он много раз видел в кино, как это делают разные персонажи, не будучи кадровыми вояками, и ничего, все вполне справлялись.

Однако в этой реальности Вадим пока что не имел даже права совещательного голоса. Здесь никто не интересовался его мнением, и пора уже было привыкнуть, что всё решают за него.

– Ясно, – кивнул Вадим и стал укладывать рюкзак. – Это как гостевая виза.

– Что значит «гостевая виза»? – заинтересовался учёный.

– Статус такой, – объяснил Вадим. – Ты вроде бы здесь, можешь ходить, смотреть, задавать вопросы... Но на трудоустройство и получение выгоды не имеешь права. Ибо ты чужак.

– Не просто чужак, – назидательно поднял палец Мусаев. – А объект особой важности, который нужно беречь как зеницу ока.

Один из бойцов хотел было помочь с укладкой, но Вадим отказался:

– Спасибо, я сам.

Когда уже переложил всё по уму и завязал горловину, боец спросил:

– А ты... ТАМ... раньше, был разведчиком или охотником?

Вадим поинтересовался, откуда такие выводы.

Боец объяснил: сразу всё покидал как попало, а теперь уложил правильно. Вывод: значит, когда-то давно умел, но прошло немало времени, вот и забыл, как это делается.

Лет сорок назад, или пару часов назад – в совместной хронологии двух реальностей это теперь числа одного разряда, – Вадим непременно обыграл бы такую замечательную связку из «когда-то давно умел» и «разведчика-охотника».

Ага, в первом классе был разведчиком, а во втором охотником...

Однако сейчас он привычно подавил позыв к иронии и просто ответил:

– В школе ходили в турпоходы. У нас это частенько практиковалось, так что да, навык есть. Просто это в самом деле было давно, всё уже забыл.

– Турпоходы?

Боец переглянулся с товарищем, и они оба вопросительно уставились на сержанта.

Мусаев изогнул бровь и делегировал немой вопрос Панину.

Учёный в растерянности пожал плечами.

– О как... – Вадим озадаченно почесал затылок. – В общем, детишки собираются в кучу, берут с собой сгущёнку, тушёнку, всякие вкусняшки и под управлением классного руководителя и физрука или военрука – кто трезвее будет, дня на три-четыре выходят на природу. Ножками, по горным и таёжным тропам.

– На ПРИРОДУ?!

– О, боже...

Как видите, активный обмен информацией проходил отнюдь не гладко.

В этой реальности большинство привычных для Вадима понятий были либо безвозвратно утрачены, либо отнесены к категории замшелых архаизмов, не имеющих чёткой смысловой нагрузки.

– Так... Ладно, дети-то у вас есть?

– Конечно.

– Чем они занимаются?

– Ну, как обычно, учатся, тренируются, работают...

– «Работают»?!

– Да, обязательная трудовая повинность. На лёгких работах, понемногу.

– Ну ладно, пусть работают... Хотя... Хм... А такое понятие, как «выходные», у вас есть?

– Конечно.

– Ну вот, уже лучше. Бог с ней, с Природой... Но хоть какие-нибудь рекреационные зоны у вас есть?

– Рекре... где?!

– Так, ясно. Хорошо, давайте подумаем, куда можно направить ваших киндеров на реабилитацию – чтобы было наглядно...

Бойцов звали Витя и Олег, но Вадим пока что не научился их различать.

Оба молодые, пожалуй, младше Вадима, среднего роста, крепкие, стриженные под машинку, а цвет волос и глаз в специфическом освещении местных интерьеров вот так, с ходу, определить непросто, это надо сидеть рядом и откровенно пялиться на человека. Одеты и экипированы одинаково, как и все прочие местные военные: камуфляж, кепи, ботинки с высокими берцами, снаряжение, оружие. В общем, не сказать, что совсем уж близнецы, но похожи так, что с непривычки не разберёшь, кто Витя, а где Олег.

– Нет, как-то всё это непонятно. Если учитель в выходной соберёт ребятишек и поведёт... ну куда там... ну, хотя бы в Нейтраль – прогуляться...

– На этом все турпоходы и кончатся, – поддержал второй боец. – Этого учителя за такие выкрутасы бегом отправят в рудники. И тех, кто через шлюз их пропустил, – тоже. У вас ТАМ что, в самом деле детей водят куда попало? Или у вас их так много... что и не жалко?!

– Ну, я не знаю, как это вам объяснить... В общем, либо поверьте на слово, либо считайте, что это сказки такие, смешные...

– Нет, в самом деле, как так можно?

– Отстаньте от парня, – приструнил любопытных бойцов Мусаев. – Человек с дороги, не освоился ещё – не грузите. Маршрут будет долгий, успеете ещё пообщаться.

– Да вас расстрелять мало за такую халтуру! – раздался из тоннеля дежурный вопль Говорова. – Вы почему такие криворукие?!

– Кстати, насчёт долгого маршрута, – Панин озабоченно посмотрел на часы. – Похоже, Саша основательно увяз в проблеме. Сейчас поубивает техников и сам будет варить. Может, под шумок удерём потихоньку?

– Да ну, не по-людски так, – покачал головой Мусаев. – Сейчас решим...

Сержант жестами привлёк внимание Говорова.

Лейтенант подбежал, зло кривя лицо и матерясь сквозь зубы.

Сержант без лишних слов постучал ногтем по циферблату древних «Командирских» часов.

Далее последовала красноречивая пантомима.

Говоров кивнул, дёрнулся было к левой оконечности перрона, затем оглянулся, задержав взгляд на беспутной баррикаде, и замер на месте с выражением тупого отчаяния на лице.

– Саша, занимайся делами, – подсказал Мусаев. – Мы сами выйдем.

– Без меня вас не выпустят из шлюза, – неуверенно заметил Говоров.

– Выпустят, – уверенно заявил Панин. – Скажем, что ты разрешил.

– Ну, если только так...

Прощались, словно убывали в долгое путешествие, длиной в годы. Говоров крепко обнял каждого, включая Вадима, и подозрительно надтреснутым голосом напутствовал:

– Чтоб вас краулеры сожрали.

– Взаимно! – дружно ответили все, кроме Вадима.

Вадим с некоторым опозданием понял, что это местный аналог «ни пуха ни пера...».

Согласитесь, неожиданная формулировка. Не сразу и сообразишь, что ответить.

Спустились с перрона, обогнули отбойник и пошли по тоннелю влево от станции. Враги придут справа, поэтому в восточном тоннеле и варят баррикаду, а левое ответвление ведёт к шлюзу, за которым начинается перегон до Старых Рудников.

Когда заходили в тоннель, Вадим обернулся.

Говоров стоял на перроне и смотрел вслед уходящей группе.

В экономном свете крайнего плафона выражение лица разобрать было сложно, но эмоциональный Говоров запросто мог служить в каком-нибудь театральном училище методическим пособием по курсу житейской пантомимы.

Вытянутая шея, незавершённое движение руки, застывшей в прощальном жесте, наклон корпуса на запад, по вектору движения группы...

В общем, все совокупно взятые детали жестикуляции лейтенанта, вся его сиюминутная поза отчаянно свидетельствовали о глубокой печали и предвкушении множества грядущих гадостей.

В западный тоннель сейчас уходили два важных и нужных человека: наставник, старый мудрый воин, а также друг детства, прекрасный технический специалист и опытный учёный.

Люди, которые здорово пригодились бы и в авральной работе, и в предстоящем тяжёлом бою.

В общем, они уходили, эти вредные люди, а лейтенант оставался. И на плечах его был весь захваченный сектор: баррикада, коллекторы, оборона, аварийные работы, люди – и так далее и тому подобное, и вообще все глобальные проблемы, связанные с этой сиюминутной диктатурой.

Странно, но расслабленному Вадиму, который знал этого парня не больше часа, вдруг стало его искренне по-человечески жаль.

Это же такие заботы и ответственность!

Не хотел бы он сейчас оказаться на его месте...

* * *

Перегон от станции до шлюза был коротким и ничем не примечательным.

Судя по основательному отбойнику и ржавым рельсам, здесь давным-давно не было движения. Воздух затхлый, застоявшийся, пахло окалиной, как будто где-то неподалёку плавил металл.

Стационарное освещение отсутствовало, один из бойцов светил фонарём, остальные экономили, рассматривать тут особо было нечего, опасаться пока что некого.

Метрах в двухстах от перрона обнаружили ручей, вытекавший из трещины в тубинговом кольце и вольготно струившийся по тоннелю до ближайшего водостока.

– Бардак, – поругал бывших хозяев Мусаев. – Ладно, не пользуетесь, но следить-то надо! Тем более, в двух шагах от станции. Так и до обвала недолго...

Впереди мерцал свет: перед шлюзом горели три плафона, такие же тусклые, как на перроне.

Шлюзовая площадка была немногим шире тоннеля. Бетонная коробка, наискосок дополнительный рельс, по которому отъезжает створка шлюзовых ворот, справа забаррикадированный изнутри стальным листом дверной проём.

Сама дверь, с вмятинами от пуль и неровно обрезанная автогенем, валялась рядом. Вот и всё, больше здесь ничего не было.

Мусаев принялся стучать по листу кулаком, неспешно, размеренно, словно зная, что откроют не сразу.

Действительно, открыли не сразу, но без опаски, даже не уточнив, кто это тут ломится. Лист со скрежетом отъехал в сторону, в дверном проёме возник молодой военный и с ходу обрадовался:

– О, Ильдар! На усиление к нам?

– Обязательно, – пробурчал Мусаев. – Всё бросили и пошли вас усиливать. Опознаваться не учили? А вдруг это реконы?

– Ну, если реконы с этой стороны, значит, вас там всех положили, – резонно ответил военный. – Тогда и нам тут недолго осталось, выкурят моментом... Куда собрались?

– На разведку, – Мусаев не стал откровенничать.

– А как насчёт...

– Говоров в курсе.

– Понял, – и никаких письменных подтверждений, – слова Мусаева было вполне достаточно. – Надо ролики смазать. Сто лет не открывали, прижавели к рельсе.

– А мотору не пофиг та ржа?

– Привод не работает. Как пришли сюда, первым делом проверили. Так что придётся ручками.

– Ну и бардачные же хлопцы! – возмутился Мусаев. – Раньше тут всё работало как часы. Это надо было постараться, чтобы так запустить Уровень...

В карауле на шлюзе было четверо бойцов. Технические специалисты отсутствовали, они сейчас нужнее в центре, поэтому восстанавливать поломку было некому, да и по большому счёту незачем. До сего момента никто отсюда выходить не намеревался.

Панин бегло оценил ситуацию. Пульт в лапшу, кабель обрезан по самый щиток, мотор отсутствует. Вердикт: для восстановления потребуется немало времени и ресурсов.

Сбегали на станцию за солидолом, обслужили ролики, потом всей толпой толкали огромную створку, которая весила, наверное, тонн десять.

Хорошо хоть мотовоз не надо гнать по рельсам, приоткрыли чуток, протиснулись в шлюз, повторили процедуру с внешними воротами.

Шлюз был длиной десять метров, и на всём протяжении в правой стене, это если встать по ходу движения от станции, тянулась узкая бойница, прикрытая регулируемыми изнутри бронестворками.

Если враг придёт со стороны Старых Рудников и сумеет уничтожить внешние ворота (во что верится с трудом), то разбираться с внутренней створкой ему придётся под кинжальным огнём караула и прибежавшего со станции усиления.

Пока возились, порядком взмокли.

– В принципе, такие дверки не рассчитаны на ручное управление, – отдуваясь, признал Панин. – Это явный сбой в алгоритме функционирования.

– Да какой там алгоритм, – усмехнулся Мусаев. – Приспичит, так и на руках эту дуру потащишь, не то что по рельсу толкать.

– Ну, это уже гипербола, конечно, – усомнился Панин. – Но принцип в общих чертах ясен.

– А вот ни фиги и не гипербола, – возразил Мусаев. – Я помню, как этот шлюз переносили. Раньше-то он был прямо на станции, а после открытия Тринадцатого и Нашествия краулеров решили перенести. Так вот створки-то по «железке» довели, это факт... Но кантовали их тут, устанавливали, ворочали – уже вручную.

– Верится с трудом, – покачал головой Панин, оценивающе глядя на створки. – Такая масса...

– Согласен, – кивнул Мусаев. – Технологию не знаю, не вникал, это надо старых инженеров спросить. Но факт – вручную ставили.

* * *

Мусаев договорился с начкаром по опознаванию и сигналам взаимодействия, на тот случай, если придётся экстренно возвращаться с полпути.

Затем помогли караулу закрыть внешние ворота – с внутренними парням придётся надрываться самим.

Створка с тяжёлым лязгом вошла в раму, глуховато пророкотал циклопический засов, задвигаемый с той стороны, и на площадке перед внешними воротами воцарилась тишина.

Впереди тёмный тоннель, позади монолитные ворота.

Если что-то случится в этом тоннеле и придётся во всю прыть мчаться обратно, с ходу в шлюз влететь не удастся. Открытие ворот будет долгим и мучительным, соответственно, шансы на спасение стремятся к нулю.

Пошли не сразу.

С минуту молча стояли, Мусаев светил во тьму тоннеля фонарём и слушал, приставив ладонь «раковиной» к уху.

Наш проводник Зоркое Ухо слушал музыку подземных сфер и вылавливал из неё нотки критически важной информации.

Интересно, что он там пытается услышать, в этом заброшенном мёртвом тоннеле?

Минута истекла, Мусаев, судя по всему, ничего опасного из тоннельной тишины не выудил, в один абзац довёл походный порядок и отдал приказ на выдвижение.

Группа удалилась от шлюза где-то на полсотни метров, и тут с Вадимом случилось Странное.

Да, именно так, Странное с большой буквы, ибо с ходу трудно дать этому правильное определение.

Видение, мираж, галлюцинация, причём сразу в четырёх сферах восприятия: картинка, звук, запах, осязание – этакое даже не 3D, а пожалуй, 4D, по всей площади сознания разом, с отяжкой и зубовным скрежетом.

Гул ракетных сопел, нестерпимо яркое голубое свечение, концентрированный аромат озона и горелых тряпок, и отголосок адских мук заживо сжигаемой плоти...

В общем, где-то в двух-трёх километрах от шлюза включили конвертер, и вот же странность, Вадим, находящийся здесь, одновременно словно бы присутствовал при запуске.

Он видел двоих людей в спецовках, ворочавших тележку, слышал, как они негромко переругиваются, видел даже их лица, правда, смазанно, как в дымке.

Наваждение было недолгим, всего несколько мгновений, но всё это было так неожиданно и страшно, что Вадим громко вскрикнул, схватился за голову и рухнул на колени.

– Что случилось? Вам плохо?!

Панин ворвался в процесс с пол-оборота и устроил ритуальные пляски вокруг «объекта особой важности», с включением разом всех фонарей и направлением их на «объекта», развязыванием рюкзака дрожащими пальцами, лихорадочными поисками медикаментов и лавиной вопросов по сути происшествия.

– Не стоит, я в норме... – Вадим быстро пришёл в себя и поднялся с колен.

– Точно? Вы уверены?

– Точно, точно. Не надо никаких препаратов, я в порядке.

– Тебе что-то почудилось? – спросил Мусаев, пытливо глядя на Вадима. – Что-то странное?

– Ну, не знаю... Когда человека сжигают заживо под давлением в несколько тысяч атмосфер – это странное?

– А ты что, видел, как сжигают человека? – удивился Витя.

– Это я был тем человеком. Это меня сожгли в той ёмкости, не знаю, как там она у вас называется.

– Не понимаю, о чём вы, – растерянно пробормотал Панин, упаковывая рюкзак. – Это какая-то метафора?

– Как называется место, где я появился после Перемещения?

– В мусорке ты появился, – просветил Олег. – А конкретнее, в конвертере, прямо в топке.

– Ну так вот, вы меня сожгли в этом самом конвертере, – на Вадима вдруг накатила бесшабашная откровенность, придумывать что-то правдоподобное почему-то было лень. – А теперь этот конвертер включили, и я это увидел, и... гхм-кхм... почувствовал. Причём увидел так, словно опять попал в топку. Не знаю, как такое возможно, но это было так, словно был там и одновременно наблюдал со стороны.

Спутники Вадима озадаченно переглянулись.

– Слушай, но ты ведь живой-здоровый, стоишь рядом с нами, – пожал плечами Олег. – А как тогда мы тебя сожгли, я не понял?

– А почему сожгли? – заинтересовался Витя. – В смысле, понятно, что никто не жёг, но... как вообще такое получилось?

– Да просто я неловко пошутил, вот и сожгли, – признался Вадим. – Потом была реинкарнация или что-то вроде того. Надо сказать, до жути болезненная реинкарнация. Врагу бы такого не пожелал...

– Тяжёлый случай, – сочувственно заметил Мусаев. – Похоже, нашего парня при Перемещении где-то там как следует шарахнуло. Лёша, это как происходит, мгновенно или его там тащит через какие-то миры-измерения?

– На этот вопрос вряд ли кто-то может ответить, – сказал Панин. – Ибо всё это в области высоких теорий, которые очень не скоро будут иметь практическое подтверждение. Но в самом деле похоже на отсроченный постэффект Перемещения. В общем, доберёмся до Лаборатории, там во всём разберутся. Вадим, вы как себя чувствуете? Идти можете?

– Да в порядке я, – Вадим зевнул и потёр глаза. – Только немного в сон клонит. Может, в самом деле, такой вот странный постэффект. Такой... Аутентичный, что просто жуть.

– Вы точно в порядке?

– Точно.

– Ну и хорошо, – одобрил Мусаев. – Если в порядке, надо двигаться, мы и так на шлюзе кучу времени потеряли...

* * *

Походное построение сержант указал следующим образом: впереди шёл Олег; за ним, метрах в пяти, Мусаев – Вадим – Панин, с интервалом в полтора метра; и в замыкании, с отставанием в три-четыре метра, двигался Витя.

Путь освещал Олег, все прочие фонари не включали.

Поначалу такой режим освещения казался Вадиму неудобным.

Световое пятно плывёт впереди, прямо под ногами ничего не видно, взгляд прыгает со света во тьму, в результате через два шага на третий спотыкаешься об шпалы. Кое-где между шпалами попадают вымоины, при малейшей неловкости чреватые травматичными последствиями, так что спотыкания такого рода не просто неудобны, но и опасны.

– Не следите за световым пятном, оно слепит, – подсказал идущий сзади Панин. – Смотрите чуть вперёд, угол зрения примерно сорок пять градусов. Так легче будет.

Вадим внял совету, и дело сразу пошло на лад: быстро адаптировался к полумраку, ноги «привыкли» к шпалам, запинаться перестал и даже принялся поглядывать на слабенько светящуюся стрелку компаса, пытаясь вычислить стороны света и направление движения группы.

Пригодится это или нет, кто знает, но освежить память не помешает. Спортивным ориентированием и туризмом баловался очень давно, всё успел основательно подзабыть.

Перегон от шлюза до руддвора составлял по протяжённости что-то около двух километров.

Помнится, Мусаев поругал нерадивых хозяев сектора за запустение на небольшом отрезке между станцией и шлюзом?

По сравнению с этим перегоним тот отрезок был просто детской площадкой образцового содержания.

Пока добрались до речки, Вадим насчитал три критических проседания свода, десятка полтора ручейков разной интенсивности, а также множество мелких прорех и откровенных дыр в тюбинговых кольцах, через которые сочилась вода.

На маршруте было несколько глубоких провалов, через которые вода убегала куда-то на нижние горизонты. Провалы обходили осторожно, для страховки все пропустили через карабины на поясах репшнур: эти зияющие чёрные скважины, жадно поглощавшие потоки воды, были достаточно широки, чтобы засосать человека.

В некоторых местах потолок проседал так, что приходилось идти пригнувшись. Удивительно, что ржавый тюбинговый панцирь выдерживал такую нагрузку и до сих пор не рассыпался на мелкие фрагменты.

Неплохо в атомной промышленности Союза делали тоннели, вроде на части рассыпаются, а всё ещё держат.

Речка – это даже и не преувеличение, она и в самом деле была речкой, ручейком уже не назовёшь.

В левой стенке зияла неровная брешь высотой немногим более метра и шириной метра три, из которой упруго струился мутный поток, пробегавший по тоннелю три сотни метров с востока на запад и уходивший примерно в такую же брешь в правой стене.

Поток сильно пенился и благоухал тухлыми яйцами, под сводами плавали клубы вонючего пара и мелкодисперсной взвеси, так что впору было подумать о противогазах.

Однако обошлись: сержант ничего по этому поводу не сказал, остальные тоже не сочли нужным проявлять инициативу.

На этом отрезке было заметное понижение уровня тоннеля, вызванное естественным прогибом профиля, и глубина тут была от... ну, скажем так, от гульфика до подмышек, так что ХЗ пришлось очень кстати.

Местами наблюдались невнятные воронки и бурление, группа шла с черепашьею скоростью, осторожно прощупывая каждый метр перед собой в перспективе возможных провалов.

– Когда-то тут было сухо и аккуратно, – печально заметил Мусаев. – Даже не капало нигде. От станции до руддора на мотовозе за пять минут можно было домчаться.

– Да, такими темпами через год-другой в Старые Рудники с Северо-Запада уже не пройдёшь, – резюмировал Панин. – Всё завалит и затопит...

Реку преодолели без потерь и вскоре вышли к небольшой станции перед руддвором, сразу за которой виднелись руины шлюзовой камеры.

Группа встала. Комплекты ХЗ сняли и свернули, но упаковывать не стали, подвесили к рюкзакам на специальные тесёмки: Мусаев сказал, что надо будет сполоснуть, как только попадётся более-менее чистая вода.

После этого группа осталась на станции, а Мусаев отправился на разведку.

Шлюзовая площадка была точно такая же, как на выходе из Северо-Западного сектора, только без ворот.

По аналогии нетрудно было домыслить, что ворота стояли, но давно, в незапамятные времена, а потом их отсюда выдрали с корнем – грубо, в спешке и куда-то уволокли.

– Так это отсюда створки взяли? – озарился Вадим, рассматривая следы взрывных работ в том месте, где некогда располагались ворота. – Сержант сказал «со станции»... Я думал, с той станции, что в жилом секторе.

– А смысл? – пожал плечами Олег. – У нас обычно берут подальше, перетаскивают поближе.

– Да, мы постепенно сокращаем своё жизненное пространство, – констатировал Панин. – В данном случае шлюз перенесли поближе, чтобы не обслуживать перегон, которым никто не пользуется.

– Почему только в данном? – поправил Витя. – Сколько себя помню, на всех уровнях постоянно что-то переносят. Урезают, сокращают, переезжают. Бывает, целые сектора бросают.

– Да, это так, – согласился Панин. – Это происходит повсеместно, и это тенденция. Если так пойдёт и дальше, в скором времени на каждом уровне останется по одному жилому сектору в окружении руин и диких территорий...

* * *

Мусаев провёл разведку и дважды мигнул фонарём, показывая, что можно продолжать движение. Группа покинула станцию и направилась к южной оконечности руддвора.

В местном исполнении руддвор выглядел следующим образом: просторная выработка, сильно вытянутая с севера на юг, утыканная множеством металлических крепей-подпорок, уставленная проржавевшими шахтными механизмами и вагонетками и изрезанная вдоль и поперёк ржавыми нитями узкоколейки.

Нити эти убегали... так, раз, два, три... в итоге Вадим насчитал семь тоннелей, выходящих из руддвора в неведомую тьму, и в каждой была узкоколейка.

В сравнении с закованным в тубинги тоннелем с «железкой» нормальной ширины, по которому группа пришла сюда, эти тоннели выглядели как недоношенные братцы богатыря-переростка. Проще говоря, были они ниже, уже и страшнее, даже на первый взгляд: какое-то необъяснимое чувство подсказывало, что не стоит в них углубляться.

И – вот же чудо чудное, диво дивное – весь руддвор и выбегающие из него тоннели густо заросли зелёным с легкой просинью ковром, испещрённым бурыми, а местами и красными подпалинами.

Группа пересекла руддвор и остановилась на привал в укромном уголке, неподалёку от входа в один из тоннелей с южной стороны.

Здесь была небольшая бытовка, то ли кладовка, сваренная из толстых листов металла. Несколько стоящих рядом вагонеток образовывали некое подобие баррикады. Между баррикадой и кладовкой был пятачок, на котором примостились две составленные под прямым углом металлические скамейки и очаг с треногой и цепью, на которой сейчас ничего не висело.

Мелкий уголь в очаге под влиянием сырости и времени превратился в чёрную кашу, и было понятно, что костёр здесь жгли очень-очень давно.

По поводу Юга тут буквально высекали в камне: рядом с кладовкой возвышался гранитный обелиск, на котором была грубо и глубоко выбита буква «Ю».

– Зачем обелиск с «Ю», если есть компас? – удивился Вадим.

– Тут встречаются аномалии, – пояснил Панин. – В некоторых местах компас сильно сбивает или вообще показывает неправильное направление. Поэтому повсеместно стоят ориентиры.

– Зачем тогда мне выдали компас?! Я тут, значит, иду, как дурак, добросовестно пытаюсь азимуты высчитывать...

– Всем выдали, – сказал Олег. – Порядок такой: выходишь за пределы сектора, возьми компас. Если знаешь, где нормальные зоны, а где аномалии, ориентироваться нетрудно.

– А если не знаешь?

– Мы знаем, – успокоил Мусаев. – Так что не надо ничего высчитывать, иди как умный. Хм... И вообще, пока ты с нами, пусть тебя это не волнует.

Скинули мешки, сходили по очереди «до ветру» в противоположный угол руддвора, потом присели отдохнуть, попили воды, немного поболтали.

Говорили вполголоса, почти шёпотом. Мусаев постоянно поглядывал в сторону ближнего тоннеля и прислушивался.

Здесь было тихо и даже уютно, насколько это возможно в таком месте.

В какой-то момент Вадиму показалось вдруг, что он в турпоходе. Глупость, конечно, вроде бы нет никаких поводов для таких сравнений, но...

Тихий уголок и очаг с треногой вызвали лавину ассоциаций из далёкого детства, и возникло чувство, что сейчас происходит нечто, уже пережитое тобой. Ностальгическое такое чувство, приятное, греющее душу. Потому что, когда это происходило много лет назад, было весело, интересно и крайне оптимистично. Беззаботное детство, вся жизнь впереди, мир огромен, прекрасен, и все тебя любят...

Если бы не благоухающие тухлыми яйцами комплекты ХЗ, напоминавшие о суровой реальности, было бы совсем здорово.

Да и здесь явно не хватало одного из главных туристических атрибутов.

– Может, костёр разведём? – мечтательно предложил Вадим.

– Замучаешься разводить, – усмехнулся Олег. – Надо сначала уголь высушить, а для этого нужен огонь. Горючки у нас нет, сухого угля нет, так что ничего не выйдет.

– А если дровишек насобирать где-нибудь поблизости?

– «Дровишек»? – хором переспросили Витя и Олег.

– Ой, извините. Дровишки – дрова то есть. Дерево, распиленное на чурки, чурки поколоты на поленья, в итоге – дрова. Только не говорите, что у вас нет древесины!

Фонарь горел, по обычаю, один, луч направлен в тоннель, так что переглядываться особого смысла не было.

Но аборигены всё же переглянулись, скорее всего, машинально.

– Увы, древесины у нас нет, – смущённо признался Панин. – Вообще дерево в наших краях – это раритет.

– Точно, – кивнул Мусаев. – На старых шахтах все деревянные крепи повынимали в своё время. Давно, я ещё пацаном был. Сувениры из них делали. Хм... Обвалов из-за этого было – немерено, половину маршрутов завалило.

– Жаль, – огорчился Вадим. – Костерок бы сейчас не помешал.

– «Костерок»... На будущее, если ты в рейде, жечь ничего нельзя, – предупредил Мусаев. – Особенно если тяга по ходу движения: дымом будет вонять за километр.

– Это вроде сигнала для реконов: «Ребята, мы здесь»! – поддержал Витя. – Ты вообще про маскировку когда-нибудь слышал?

– Не наезжай, – урезонил подчинённого Мусаев. – У них ТАМ всё тихо-мирно было, какая на фиг маскировка?

Туристическое наваждение схлынуло так же внезапно, как и возникло.

Какой, к дьяволу, туризм? Природа уничтожена, Поверхность непригодна для жилья, человечество практически убито, уцелевшие ютятся под землёй, как кроты. К тому же умудряются ещё и воевать друг с другом. Солнца нет, неба нет, повсюду проржавевшие тоннели, готовые в любой момент обрушиться тебе на голову, и шахтный ландшафт, заросший какой-то мохнатой дрянью...

– Кстати! – вспомнил школьный курс Вадим. – Тут же света нет!

– Очень ценное наблюдение, коллега, – похвалил Панин. – Здесь действительно нет иного света, кроме того, что мы принесли с собой.

Военные дружно хмыкнули.

– Да нет, это я про зелень, – Вадим широким жестом обвёл территорию руддвора. – Как оно тут растёт, без света? Вы что, вывели уникальную флору, которая обходится без фотосинтеза?

– Увы, это не мы, – в голосе Панина звучало смущение, словно ему пришлось признаться в профессиональной несостоятельности. – Человеку такое не под силу, ибо это противоречит ныне действующим Законам Природы.

– «Ныне действующим»? То есть это что-то такое совсем древнее, что оно появилось, когда на Земле работали какие-то другие законы?!

– Возможно и так.

– Ого... А это вообще что – мох? Вон там, смотрю, чуть ли не кусты растут...

– Это лес, – компетентно заявил Олег.

– «Лес»? Ты ничего не путаешь?

– Лес, лес, – подтвердил Витя. – Основа жизни.

– Странно...

– Нет, мы знаем, что у вас ТАМ был другой лес, из дерева. Проходили в детстве по Истории Погибшего Мира. Ну а у нас вот такой лес. И это реально основа жизни.

– Слушай, а у вас ТАМ правда росло дерево выше тоннельного свода? – живо заинтересовался Олег. – Ильдара спрашивали – он ТАМ ещё родился, но он маленький был, не помнит.

– Не помню, – с сожалением развёл руками Мусаев. – Знал бы, что такая беда получится, обязательно запомнил бы, и лес, и много чего другого...

– Не дерево, а деревья, – сказал Вадим. – Да, выше этого самого свода. Гораздо выше. Представьте себе бескрайние просторы сибирской тайги. Миллионы гектаров могучих деревьев... Вы тут про стариков упоминали. Они что, не рассказывали вам про лес?

– Рассказывали, – кивнул Мусаев. – Но они, эти старики, чудные. Такие сказки рассказывают, что с трудом верится. Особенно когда подопьют немного...

Вадим попросил в двух словах объяснить, что это за «лес» такой, откуда тут взялся и почему растёт без света.

Панин при поддержке местной аудитории закатил короткую лекцию.

«Лес» – выражение просторечное, можно сказать, народное.

Научного названия ему пока что не придумали, поскольку это сложный симбиоз мхов, лишайников, микроорганизмов и насекомых, родом с Тринадцатого Уровня. Растёт в любом месте, где посадят, хоть вырви клочок и брось в голую выработку, через месяц там будет зелёная колония с бурыми подпалинами. Приживается практически на любой поверхности, кроме металла, не любит бетон и гранит, но вполне комфортно чувствует себя на отвалах урановых рудников и в прочих техногенных помойках.

В местной учёной среде есть две версии происхождения «леса»: реликтовая и внеземная.

В пользу каждой версии существует масса веских аргументов, но ни одна пока что не вышла на позицию явного доминирования, ввиду незначительного, по учёным меркам, возраста «открытия» и малых сроков и объёмов исследовательской деятельности.

– То есть либо это очень древний вид флоры, либо... Либо этот лес притащили пришельцы из Космоса?

– Вполне возможно. Из Космоса или... – Панин слегка замялся, словно ему было неловко за такой ненаучный подход к теме разговора. – Гхм-кхм... Из каких-то иных миров.

– В смысле, из других измерений?!

– Вполне возможно.

– Вот это да... Вы серьёзно?!

– Совершенно серьёзно.

– Обалдеть... Типа, мох из Сигила... Прямые поставки с Аллеи Опасных Углов...

– Откуда, простите?

– Да нет, это так, вспомнилась игра одна... А почему этот ваш «лес» – «основа жизни»? Типа, «лёгкие подземного мира»?

– Нет, наши «лёгкие» – это система регенерации воздуха, – усмехнулся Панин. – Это в самом деле наша фирменная разработка, уникальная во всех отношениях, и тут мы вполне обходимся без «леса». Но в просторечной терминологии про «основу жизни» есть немалая доля истины. «Лес», по большому счёту, – это базис нашей пищевой цепочки и богатое лекарственное сырьё.

– Его кто-то ест, этот «лес»?

– Краулеры его едят, – заявил Олег.

– Краулеры жуков едят, – поправил его Витя. – И вообще, любое мясо жрут. Ты что, все занятия по биологии проспал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.